

25 Června 1932.

— **Volné Kozáctvo** —

Ročník V.

107

25-го июня 1932 г.

25-го червня 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

1. Ще до українців. (Ještě ukrajincům).
2. Генералу Науменко. (Generalu Naumenko).
3. А. Трофимов: Страна казаков. (Země Kozáků).
4. Чужинец: Французское казакофильство от 1814 по 1855 год. (Francouzské kozákofilstvo od r. 1814 do 1855).
5. А. Ленивов: О происхождении, значении и толковании слова „казак“. (O původu a významu slova Kozák).
6. П. Фадеев. Очерки большевицкой войны на фронте Уральской отд. армии (Vojna s bolševiky Uralské armády).
7. А. Жуков. По старой московской дороге. (Na staré moskevské cestě).
8. К. Курило. Відповідь. (Odpověď).
9. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
10. П. Поляков. Казацькі фельетони. (Kozácké feuilletony).
11. Казацькі еміграція. (Kozácká emigrace).
12. По білу свету. (Po bílém světě).

Почтовый ящик.

Монтаржи. — Ф. К. — Получено. Привет.
 Франция. — Св.рев. — Получено. Привет.
 Белград. — Б. К. — Все получено. Привет.
 София. — В. С. — Посылаем. Привет.
 Париж. — П. Ф. — Присылайте продолжение. Привет.
 Югославия. — К. Ш. — По единственной причине: недостаток места. Летом литературный отдел расширим. Привет.
 Италия. — Н. П. — Попытаемся навести справки по интересующему Вас вопросу. О результатах сообщим письмом. Привет.
 Галац. — А. Б. — Исполнено. Привет.
 Сараево. — В. В. — Посылаем. Привет.
 Крагуевац. — А. Ч. — Получено. Привет.

София. — Ф. Б. — Посылаем. Привет.
 Польша. — А. С. — Получено. Привет.
 Франция. — А. А. — Наводим справки, о результатах сообщим. Привет.
 Многим. Редактор просит прощения у всех тех, кому он из-за абсолютного неимения времени не мог своевременно ответить на письма, иногда весьма важные.
 Франция. — Инж. Д. С. — Буде надруковано в наступном числі. Вітаємо.
 Сев. Америка. — Я. Б. — Будет напечатано. Привет.
 Франция. — С. Т. — Получено. Будет напечатано. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
 В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрючков. Белград.
 А. Чекин. Крагуевац.
 Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
 С. М. Маргушин. M-eur Margouchine.
 Bukarest V.
 А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
 С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
 А. Кирьянов. Августов.
 Вл. Еремеев. W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
 Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
 А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
 Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
 И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
 И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons.
 С. К. Поляков. M-eur S. Poliakov, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

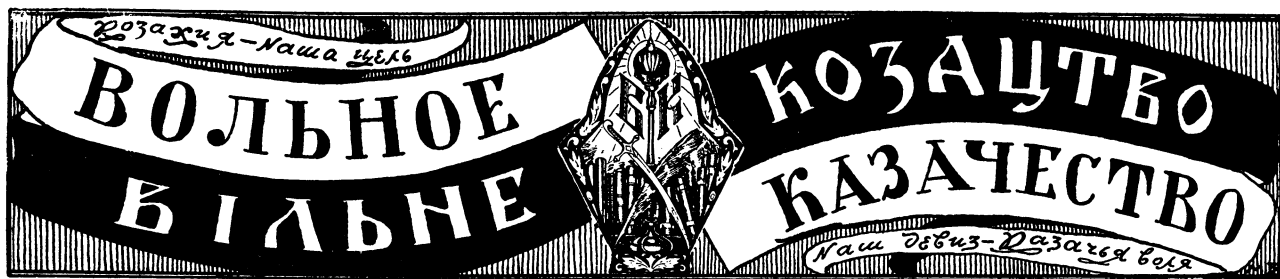
В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savitzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

От редакции. В летние месяцы, как обычно, журнал „В. К.“ будет выходить один раз в месяц двойным номером.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 107

Суббота, 25 июня, 1932 — Субота, 25 червня, 1932.

№ 107

Ще до українців.

(Відповідь „Дзвонам“).

I.

10 березня ц. р. ми, вільні козаки, відсвяткували ювілей виходу в світ сотого числа нашого журналу. Ми маємо де-які підстави думати, що ювілей цей був значною подією не лише для нас, козаків, а набув він, вийшовши за межі історії вільно-козацького самостійницького руху, чи то взагалі за межі стисло козацьких інтересів, і ширшого значіння та розголосу, переважно серед поневолених народів, що, борючись за визволення своє, симпатизують і нашим визвольним змаганням і готові разом з козацтвом творити союзний фронт проти спільного ворога-гнобителя.

Зараз ми можемо уже сказати, що не лише преса наших приятелів відгукнулася на сточисловий ювілей „В. К.“, а взагалі козаче питання увійшло в ширший інтерес і увагу наших прихильників та сусідів. Козаче питання стало жвавіше дискутуватись і — одночасно — стало докладніше та яскравіше закреслюватись і певне відношення до самостійницького козацького руху з боку як наших приятелів так і неприятелів.

Відгуки чужої преси на наш ювілей, з виявленням певної — достойної й об'єктивної — оцінки та розуміння наших козацьких визвольних змагань, були дуже прихильні. Наші сусіди зрозуміли, що вільно-козачий самостійницький рух тісніше й ближче входить і в їх власні визвольні самостійницькі інтереси та плани, а тому, очевидно, і відклик їх на вільнокозачий ювілей був справді достойним їх правдивого розуміння і нашого питання і їхньої до нас приязні та доброзичливості.

Не будемо тут ще раз згадувати конкретно, що именно писала та преса про „В. К.“, бо ми реферували вже про те в свій час (див. ч. ч. 101—106 „В. К.“), підкреслимо лише, що серед усих тих чужонародніх відгуків і на сточисловий вільно-козачий ювілей і на козачо-само-

стійницький рух взагалі найбільше своєї уваги звернула преса українська. Вона найширше відгукнулася на ювілейне журнальне вільно-козацьке свято, з повним, здебільша, розумінням значіння цього свята як для козаків самостійників, так і для самих українців, що в ВК прагнуть бачити і посилення своїх власних визвольних змагань і які бажають справді братського порозуміння з відродженням козацтвом.

Відгукнулися: „Новий Час“ (Львів), „Український Хлібороб“ (Бразилія), „Український Голос“ (Канада), „Гуртуймося“ (Прага), „Новий Шлях“ (Канада), „Українська Нива“ (Луцк)... Відгукнулись і... „Дзвони“ (Львів). І от з приводу цього останнього „відгуку“ ми й хочемо ще раз, відповідаючи „Дзвонам“, говорити з українцями.

В 105 числі „В. К.“ ми звернулись до всіх своїх сусідів-народів, а в першу чергу до українців, із закликом виявити спільну добру волю до полагодження заздалегідь різних „непорозумінь“ між тими народами та козацтвом і, здолавши таким чином взаємно шкідливі, більш „домашні“, суперечки, приступити у братній і дружній згоді до реального творення необхідного усім нам під сучасну пору єднання.

Але... не встиг ще наш заклик до українців вийти друком, як... задзвонили вже негарно, дісонансно, щоб не сказати провокаційно, львівські „Дзвони“.

Цей український журнал, відкликаючись і собі на сточисловий ювілей „В. К.“, в повний розлад з всією згаданною вище пресою, пише:

— „Вольное Козачество, орган, що виходить в Празі за гроші однієї з сусідніх держав в мові російській і українській, обходив недавно ювілей свого 100-го числа. З тієї нагоди годиться сказати про нього декілька слів. Він після задуму — служить ідеї виділення південно східних частин козацьких територій в самостійну козацьку державу. До неї мали би належати: Донщина, Кубанщина, Астраханщина Оренбур-

щина і Терщина. Для українців-соборників в цій концепції не можливе до прийняття таке, як відхід Кубанської України і укр. частин Донщини, Ставропольщини, Терщини й Чорноморщини в іншу державну цілість, як і ідея окремої „козацької нації“, ідея, що протриває ідеї єдиної української національності. Ціла та „вільно-козацька програма є неясною, мало розробленою і малонадійною... З більш помітних українців-кубанців її обстоюють редактор Білий і співробітник Федорів. Інші українці-кубанці — коли брати під увагу видніші особи — не є прихильниками тієї програми... Сьогодні ціла концепція „Вольного Козачества“ терпить серйозну кризу. Від неї відступило немало українців. А от зірвав з нею і видніший представник Донщини і б. співробітник того часопису ген. Бикадоров. В своїм „одвертій листі козакам“ (в паризькій „Возрождені“ з 19. III. 1932) Бикадоров зрікається думки про самостійність козацтва. Між іншим вказує, що „між українськими самостійниками і самостійниками-козаками не може бути добрих відносин, бо українці претендують на козацькі землі до р. Дінця і р. Манича, на Кубанщину і Ставропольщину“... Вказує на залежність, що дорівнює службовій підлеглості „журалу і всего „Вольного Козачества“ від субсидіюючого джерела, залежність, що загрожує небезпекою використання козацтва, як „гарматного м'яса“... Вмирання концепції „Вольного Козачества“ нас не повинно дивувати. Ненадійним було і є „субсидіююче джерело“, ненадійними є й ті, що махають руки в те джерело, — ну і на „джерело“ з кризою прийшла криза, воно обмаліло, тяжче стало ділитися його „життєносною“ водою“.

— Ось так написали українські львівські „Дзвони“ в своєму ч. 5 (14) за травень місяць ц. р.

Ми навмисно уміщуємо тут без скорочень „братнє привітання“ нам „Дзвонів“, щоб показати нашим читачам і прихильникам, що в відношенню до Козацтва між де-якими українськими колами і росіянами із „Возрожденія“ немає абсолютно ніякої різниці. Це „привітання“ є доказом тому, що і серед наших сусідів — поневолених народів — не перевелися ще старі, дореволюційні індивідууми типу „возрожденцев“ чи то українських „дзвоничан“, які не хочуть, або не в силі досягнути нових течій у живому життю, не в змозі оцінити нових завдань сучасного історичного моменту, не здібні відчувати найпекучіші вимоги дійсності, а у своїй ледачій розмірності в стані лише по старій звичці безвідповідальності і нечинності віддаватися тільки „солідним“ нездійснимим ілюзіям.

Гіпноза мертвого догмату панує над такими ось „дзвоничанами“. Догмат — для них все. В ім'я того мертвого, надуманого догмату, в ім'я складеної „теоретичної“, далекої від практичної здійсненності концепції, ті „дзвоничани“ усіх націй та відтінків готові до насильства над життям, до ламання його законів, до призириливої ігнорації даних дійсності і до безумних спроб

реалізації й утвердження своїх злочинних фантазій чи утопій.

В ім'я догмату „пролетарського царства на землі“ зробив нечуване в історії надужиття над життям московський росхрістаний більшовизм. В ім'я догмату „єдиного російського царства“ робили безсоромні надужиття російські „єдинонеділимці“ над живою волею і духом поневолених б. Росією народів. В ім'я нового догмату „єдиного українського царства“ готові й українські єдинонеділимці-дзвоничани dokonати безоглядних надужиттів над народами, що встають на боротьбу за свою волю. Бо ж, справедливо і по суті, українське „соборництво“ дзвоничаним не відрізняється від московського „єдинонеділимства“. „Дзвоничани“ підкидають поневоленим народам б. Росії думку, що їм наряди з експансією російського неділимства прийде рахуватись і з новоспеченим (чи лише механічно перенятим від росіян?) „єдинонеділимством“ українським.

Чи внесення цього нового українського єдинонеділимства на новий згубний заколот на сході Європи є корисне і бажане, — хай розмислять і скажуть самі дзвоничани.

Предоставляємо також самим дзвоничанам по глибшому розмисленню дійти до вірнішого висновку і побачити зрештою те, що їх „коване соборництво“ є лише копіюванням „соборництва московського“, а їх егоїзм і вороже чи байдуже відношення до долі поневолених народів сходу Європи є наподоблюванням такого ж відношення до тих народів з боку російських головотяпів.

Бо ж справді, хай усі дзвоничани порівнюють свою статтю про „В.К.“ с „отзывами“ про вільно-козацький рух російської преси і хай таким чином наочно переконаються, що їхня дзвонівська писанина скорше була б на місці десь у „Возрожденії“, ніж в українському журналі (не дурно й інформаційні відомості про „виступ“ п. Бикадорова взяті з „Возрожденія“).

Ми навмисне згадали вище про відгуки преси поневолених народів про вільно-козацький рух. Хай би дзвоничани самі почитали, хай би побачили, порівняли... Може чомусь би і навчились.

Хай „Дзвони“ порівнюють свіжі, гучні голоси преси про В. К. поневолених народів, в тому числі і приятельської нам преси української, з безсилим старечим шамканням своїм власним. Хай побачуть: там, у поневолених народів, живе дух і думка, рух і шукання; там свіжа, молода думка сяє; там — снага зрозуміти життя, зважити найпекучіші, найближчі завдання майбутнього; там — палке бажання зрозуміти сучасну дійсність і знайти найвідповідніше, найкорисніше пристосування до її вимог; там повне розуміння спільної тяжкої долі усіх поневолених народів і прагнення знайти реальний, всім найвигідніший шлях до полегчення цієї долі в об'єднаності думок, прагнень і чину; там — шлях до єднання і сили... А в „Дзвонах“ — невиразне бурмотіння, газетярські „шпильки“ „найнижчої проби“, провокаційні цитати з ворожого „Возрожденія“. Наші приятелі з „Прометей“, з

„Яш Туркестану“ і преси української думають, придивляються до В. К., пробують пізнати його, оцінити його значіння і силу, стараються зважити його, як певну реальну одиницю для відповідного застосування її в співділанню, а „Дзвони“... не знаходять ліпшої роботи, як товкти воду в ступі; демагогічно перебирають з „Возродження“ та „Посл. Новостей“ відомости „субсидуючого джерела“; цитують козачого ренегата (ніби у самих не було чи нема!) та бавляться вперто своїми ілюзійними догматами...

Навколо кипить життя, ставить болючі питання і невідкладні вимоги; люде боліють, страждають, тужать, думають, шукають виходу, а „Дзвони“ на забаву собі дзвонять дурниці про провокаторів з „Возродження“, про... відмірання козачого самостійництва! — наче б для „Дзвонів“ все питання козачої самостійности й полягає в „субсидіях“ та в сумної памяти Бикадорові, та в тих „видніших“ (чим і як?) українцях-кубанцях, які вільно-козачої ідеї не поділяють...

Навколо кипить життя, найближче майбутнє готувати нам різні, можливо грізні нечekanности; люди думають, заглядають в це майбутнє, намагаються; народи ворущаються, пружаються, шукають спільного порозуміння, переладовують шереги, готовляться, а „Дзвони“ зі своїми старцями мрійниками дзвоничанами байдужо усуваються від цього шляху. Де ж там! Як то йти в купі з вільним козацтвом, коли Бикадоров сказав, що між українськими і козачими самостійниками згоди не може бути (хіба „Дзвони“ хотять, щоб це була правда?)... і, при тій, ми (дзвоничане) маємо свою ідею „єдиної української національности“, що „противиться ідеї козачої нації!“ „Дзвони“ і „дзвоничане“ мають, бач, теж „ідею“, мають згори даний непогрішимий догмат, то — що ж їм до того, що життя і дійсність противляться цьому надуманному догматові! Хай і надалі буде так, як є, хай пільма неволі і рабства заливає народи, хай під московським комуністичним чоботом гинуть народи, винищуються нації (в тім числі й українська), хай стираються з лиця землі на сході Європи тисячолітні культури (в тому числі й українська), хай міліони людей стогнуть від голоду, страждань, муки і знущання; хай, хай це все діється безконечно, — „Дзвонам“ байдуже, вони (блаженні!) мають собі на потіху „ідею“... Хай морок страждань залляє всю землю, — „Дзвонам“ байдуже, бо вони мають щасливу змогу і в пільмі і в мороці бавитися своїми ілюзіями, тішитися своєю „ясною ідеєю“...

О, Фарисеї! Для вас і досі ще буква закона вища за його суть, форма важніша за зміст... І в питаннях самостійницького вільно-козачого руху вам цікавіша демагогія про „пікантність“ „субсидій“, важніша інтрига чи зрадництво Бикадорових і „видніших кубанців-українців“, ніж реальність масового размаху і сили цього руху.

По правді признаємось, що писанина „Дзвонів“ про В. К. була нам дуже неприємною і

прикрою, бо ми рахували їх, „Дзвони“, журналом більш солідним, видержаним і на такий його „виступ“ не сподівались. Не сподівались також і на таке його незрозуміло вороже та необ'єктивне ставлення до В. К., тим паче, що досі „Дзвони“, уміщуючи у себе різні наукові розвідки і рецензії, де в позитивному для нас сенсі згадувались не раз і козаки, давали нам до розуміння, що вони, більш ніж хто інший, мають змогу справедливо й об'єктивно оцінити й вільно-козачий рух.

Та, на жаль, сталося инакше. Чи то редакція „Дзвонів“ навмисно робить так, що її права рука не знає, що робить ліва; чи то може вона й сама не дуже то розбирається в тих наукових оглядах і рецензіях, які подає; чи може, легко-важно з'їгнувавши думки і висновки власних рецензентів, піддалася на ворожий до В. К. „пікантний“ тон якогось, може навіть випадкового безграмотного головотяпа „дописувача“ з родини „видних“ „українців-кубанців“, — не знаємо. І не хочемо в цім розбиратися. Для нас досить — правда, з великим жалем — констатувати, що „Дзвони“ абсолютно ні на чім не розуміються в козачому питанні, що не вміють виявити до нього пильнішої уваги, не знають міжкозачих відносин і тому — з волі чи з неволі — опустили у відношенню до В. К. зі спокійного, видержаного, об'єктивного тону до тону бульварної, безцеремонної, провокаційно-брехливої і безграмотної репліки. Це — неприємно, але ми це констатуємо.

Одночасно, відповідаючи „Дзвонам“ та пояснюючи їх помилки що до В. К., маємо на увазі відповісти і всім іншим українським „дзвоничанам-сборникам“.

Ми завжди уникаємо того, аби зі своїми неприятелями гратись в пожмурки. Завжди неясне питання витягаємо на світло Боже, ставимо його ясно і просто і завжди готові його чесно і сумлінно обмірковувати. Завжди охочі виложити своїм опонентам нашу правду і спокійно вислухати докази їхньої правди. І ми не віримо, щоб в суперечностях цих правд, при добрій волі і розумі, не можна було дійти до якогось спільного порозуміння. Усе залежить, підкреслюємо, від доброї волі і об'єктивного та справедливо додумання.

На прикладі відповіді „Дзвонам“ стараємось одночасно і всім „дзвоничанам“ у „Дзвонах“ і по за „Дзвонами“ суцільно раз і назавжди сказати, що їх претензії до В. К. відпирають всяким поняттям справедливості; напади їх на вільно-козачий рух позбавлені всякої розумної і підставної основи, а докази їхньої правди не видержують жадної об'єктивної і справедливої критики.

Усі ті нехороші твердження „Дзвонів“ і „дзвоничан“ про самостійницький вільно-козачий рух обертаються в колі інсинуацій, брехні, інтриг, провокативних інформацій про В. К., в колі незрозуміння й неуміння оцінити справжній сенс цього руху й його дійсне відношення до аналогічних визвольних рухів інших народів. „Дзвони“ і „дзвоничани“ не знають, не вміють підійти

уважніше і ближче до вільно-козачого руху, знайти в нім спільні з іншими визвольними рухами точки зіткнення для виводу певних природньо-логічних висновків. Так само дуже далеко вони від знання і розуміння дійсного стану козачих земель і міжнаціональних відношень на них їх мешканців.

До цього треба додати, що усі дзвоничани звичайно ніколи не в силі відчуті і зрозуміти найактуальніших вимог дійсності і, в супереч їм, готові безвладно віддатися дурманові власних ілюзій і надуманих концепцій, що в найбільшій мірі є перешкодою їм дійсні вимоги життя згармонізувати в ширшій реальній концепції.

З цих ось помилок і повстають такі безрозсудні висновки та оцінки, якими „блиснули“ про В. К. „Дзвони“ й які ніяк не можна назвати інше, як пусто-дзвоним. Ніякого реального питання у відношенні до В. К. в „Дзвонах“ не висунуто; свою ворожість до В. К. „Дзвони“ опирають не на будь-яких доказах, а просто на неперевіреніх брехливих інформаціях може тих же самих „видніших“ „українців-кубанців“, або на авторитетові зрадника ренегата Бикадорова, чи то на власному гіпнозі пусто-дзвонного „догмату“... На цих ось підвалинах будують „Дзвони“ свою „пустодзвонну правду“ і... дзвонять в порожнечу. Бо хто ж би справді зі здоровою свіжою думкою зпоміж козаків і українців міг би брати такий голос „Дзвонів“ серйозно? Не йти ж бо нам зза цього на ножі...

Але хай послухають всякі „дзвоничани“ нашу відповідь їм по порядку.

Почнемо з того найголовнішого. „Дзвони“ і, звичайно, всі українські „дзвоничани“ не приймають (чи неподіляють, не співчують) вільно-козацькій ідеї самостійної козачої держави й окремої козацької нації тому, що це, мовляв, противиться їх ідеї „єдиної української національності“. Ось це, думаємо, і треба вважати за головну підставу ворожого до В. К. відношення „Дзвонів“. Вся річ, бачите, в тім, що козаця ідея не сходитьсь з ідеєю „дзвоничан“, хоч як би та козаця ідея була реальна й оправдана, а ідея дзвоничанська хоч як би була ілюзійною чи сумнівною.

Ми розуміємо противенство ідей і боротьбу їх; розуміємо, що вони, ідеї, стають іноді причинами єднання і розсходження людей і народів; але ми розуміємо й те, що кожна з таких ідей є оживлена певними фактами дійсності і у вимогах живого життя шукає своє оправдання... Живу силу реальних ідей, що оперті на явищах дійсності, оперті на фактах і продіктовані вимогами життя, ставити в противенство до ідеї ілюзійної, скомбінованої теоретично на фантазійній уяві, можуть справді побіч єдиної-неділюїдів всіх відтінків лише недалекозорі й безоглядні дзвоничани.

Для них головне, як було вже сказано, „ідея“, догмат. Як що їх „теорія“ противиться фактам, то тим гірше для фактів... І справді. Візьмемо на початку ідею козацької нації. Подивимось, як

застосувались до цього „Дзвони“. У своїй замітці про „В. К.“ „Дзвони“ ставлять вираз „козацька нація“ в лапки, явно підкреслюючи тим і свою іронію до такого виразу і свою негацію сути його. Козацьку націю „Дзвони“, ясно, відкидають, не визнають її за дійсний реальний факт. І то чому? Лише тому, що це противиться їх ідеї. (Вірніше, всупереч „Дзвонам“, треба б сказати, що ідея і теорія дзвоничан противиться живим козачим ідеям про свою націю і державність).

Отже, ради теорії для дзвоничан є можливим негувати факт. Для усвідчення „Дзвонів“ у цьому, найкраще користуватись нам доказами із самих же „Дзвонів“. В цьому журналі не раз подавались рецензії і замітки проф. В. Заїкина, в яких він досить ясно висловлював свій погляд і на козацьку націю. Не знаємо, може „Дзвони“ і тоді з цим не погоджувались, але „виправляти“ і підтягати під свою „теорію“ висліди і висновки авторитетного вченого не наслідувались. Тому нам раніше й здавалось, що „Дзвони“ і вільно-козацький національний рух краще й глибше розуміють, ніж українські кола менш поінформовані. Але, на жаль, так не є, бо для „Дзвонів“ є можливим уміщувати у своєму журналі рецензії і наукові розправи свого співробітника вченого, де не раз згадується козацька нація і... тих сторінок свого журналу не читати, а при потребі користатись краще безграмотною писаниною якогось пройдисвіта, що навіть сам не наслідився підписатись під своєю „працею“.

Нагадаємо „Дзвонам“, що й як пише про козацьку націю проф. В. Заїкин та як він оцінює козацький самостійницький рух.

У статті „Русь, Україна і Великоросія“ шановний автор, розбиваючи гіпотезу про існування „єдиного руського народу“ й окреслюючи етнічні різниці різних східних славянських племен, зазначає: ... „навіть при поверхнім погляді на різні славянські, а зокрема на східно-славянські народи кидається в очі величезна різниця між ними, як під оглядом культури світогляду, побуту, вдачі, так навіть і під оглядом фізичним. Етнографічні й антропологічні наукові досліді ще яскравіше виявляють ці різниці між славянськими (а в тім числі і „руськими“) народами... (Згадка в цьому сенсі на досліді вчених: Анучина, Вайсбаха, Вовка, Ікова, Конержицького, Малієва, Янчука, — ред.). Далі ... „Що торкається спеціально східних (або „руських“) славян, антропологічними дослідіми уже давно усталено існування серед них чотирьох основних і неподібних між собою типів: 1. українського, 2. білоруського і двох великоруських: 3. суздальського і 4. рязанського (не рахуючи тут таких відмінних під оглядом фізичного типу галузей сх. славянства, як сибірські „чолдони“ та уральські, донські й інші козаки)... („Дзвони“. Квітень, 1931 р., ч. 1, стор. 21-22).

Оперуючи даними науки, шановний професор, без сумніву, добре розуміє і сучасний вільно-козацький самостійницький рух та певне за-

стосування цього руху і до аналогічного національного руху українського, бо в своїй рецензії на книжку С. Сватикова „Росія і Сібір“ читаємо: ... „Мені вже доводилося... звертати увагу на могутній сибірський рух, на творення на наших очах нової сх. славянської нації сибірської й на величезне значіння сих подій для України; бо тільки розвиток сибірського й козацького (донського, уральського і т. д.) руху може внести рівновагу у взаємовідносини сх. славянського світу; без того Великоросія все буде і числом, отже і воєнною силою, і матеріальними засобами і всім іншим мати перевагу над Україною й Білорусією, й українці та білоруси все уступатимуть перед великоросами“... („Дзвони“, квітень 1931, ст. 61. Підкреслення наше).

А ось ще „Дзвони“ у тій же книжці своїй у хроніці писали: „Донський науковий рух. Центром наукового руху серед донських козаків є нині Прага, де видається й орган козацького руху „Вільне Козацтво“ (не „Вольное Козачество“, як пишуть „Дзвони“ тепер. Бо що це за слово „Козачество“? — або Козацтво, або Казачество!). Далі: „Розвиток студій над історією Донщини ми повинні щиро вітати, бо ці студії скріплюють національно-козацький рух серед Дончаків і тим способом сприяють можливості в будуччині досягти рівноваги між сх. славянськими народами і ослабити теперішню гегемонію великоросів-московців у Східній Європі“.

Так писали „Дзвони“ рік назад. Тоді для них існувала і козацька нація і розуміли вони, що цей національний козацький рух може сприяти можливості досягти рівноваги між сх. славянськими народами; розуміли тоді і користь цього руху для України (як ми розуміємо користь українського національного руху для руху козацького) і т. д. А тепер? Чи то вже дзвонівське розуміння річей шиворот-на-виворот перевернулося, чи то вони справді вже втратили почуття дійсності і безоглядно піддалися дурманові нереальних фантазій?

У всякім разі, бачимо, що їх туманна „теорія“ „противиться“, „не визнає“ зараз ніякої козачої нації, а тому — згідно з їх висновком відсіля — „козацької нації немає“. Що? „Теорія не криється з фактами? — Тим гірше для фактів...“

В добавок до всього сказанного вище ми могли б ще в науку „Дзвонам“ і всім дзвоничанам порадити таке: якщо хотіли б вони справді пізнати й зрозуміти, що то є нація і яке її наймодерніше означування, то хай би уважно перечитали книжку д-ра Старосольського „Теорія нації“, та не випускали б ніколи з пам'яті, як приклад, творення і самоутвердження великих націй американських. Тоді б може дзвоничани перестали і козачу націю наводити в лапках...

Про дзвоничанське соборництво — в слідуючому числі.

Генералу Науменко, полковнику Соламахину и вообще „Кавказскому Казаку“.

Іюньський номер „Кавказского Казака“ (№ 6, іюнь, 1932) многих, вероятно, казаков удивит. Возможно, что удивит и некоторых вольных казаков, но не всех. Ведь еще не так давно даже некоторые самостийники проводили грань между ген. Науменко и ген. Богаевским. Сейчас эта грань больше чем стерлась. Очевидно, что и отношение Казачества к обоим генералам будет одинаковым.

Ген. Науменко своим молчанием довольно долго вводил казаков в заблуждение относительно подлинного своего лица и относительно истинных своих намерений. Ныне обстановка сложилась так, что заговорить было нужно, выявить себя стало неизбежным. И что же оказалось? — Оказалось, что ничто не изменилось. Дома ген. Науменко был верен ген. Деникину и Врангелю и в угоду им жертвовал судьбой Казачества, здесь он верен (хотя долго и скрывал это) ген. Миллеру (за расшифровку этого вопроса мы благодарны полк. Соламахину).

Одну большую службу казакам сослужил шестой номер „К. К.“: он многое сделал ясным. Сейчас мы все уже знаем, кто такой ген. Науменко, куда и с кем он хотел бы повести кубанских казаков. Еще недавно это было ясно не для всех.

Мы глубоко убеждены в том, что читатели „К. К.“ прекрасно разберутся с „выступлениями“ как самого ген. Науменко, так и полк. Соламахина. Мы ограничимся, поэтому, только самыми неизбежными замечаниями или расшифровкой некоторых их утверждений.

„Кавказский Казак“ уже несколько месяцев проливает некоторую „нервность“ и занимает все более и более враждебную позицию по отношению к В. К., подхватив весьма охотно „письмо“ Быкадорова и с ним

солидаризовавшись. Помимо основных программных между нами расхождений, одною из причин „нового тона“ „К. К.“ в наш адрес является идея созыва Вольно-казачьего Съезда, провал которого „К. К.“ обещает нам в последнем номере. Несомненно, точно также, что излишнему раздражению „К. К.“ весьма способствует и провал организованной им „акции“ ген. Шкуро. Вообще же „К. К.“ поднимает в последнее время и собирает около себя все отбросы В. К.

Несколько слов о Съезде. Заявляем: Вольно-казачий Съезд будет. Будет и не провалится. Но самым фактом его созыва провалится вы, двенадцать лет сидящие „на верху“, ничего за эти 12 лет не сделавшие и полагающие, что посты, вами занимаемые, пожизненны и политически безотчетны. Собственно говоря, вы уже провалились, потому что Казачество, так долго ждавшее, что вы что нибудь сделаете, поднимает само ныне голову и хочет попробовать решить свой вопрос помимо вас. До сих пор вам никто ведь, и ни в чем не мешал, но что вы сделали? Ясно, что вы сейчас немного волнуетесь, потому что созыв Вольно-казачьего Съезда — это одновременно и ваше осуждение. Съезд будет иметь свои прямые задачи, но вы, конечно, понимаете, что он будет знаменать для вас фактически похороны, даже если он вами не будет затманываться совсем.

Впрочем, начнем по порядку.

Прежде всего ген. Науменко.

Печатая свое обращение к казакам, посвященное В. К. движению, Вы, конечно, знали, что без ответа оно оставлено не будет. Но, с своей стороны, должны Вас предупредить, что увлекаться очень полемикой с Вами не намерены. Постольку — поскольку. Не потому,

конечно, что такой полемики мы бы боялись, а потому, что все то, что Вы пишете сейчас, мы, может быть только в иных выражениях, слышали уже не раз от ген. Богаевского. А некоторые вещи Вы прямо у него списали... Поэтому и те ответы, которые в свое время были адресованы только ген. Богаевскому, относятся теперь в одинаковой мере и к Вам.

Мы Вам даже благодарны за признание за нами активности и успеха нашей работы (имеем в виду Вашу первую фразу: „В последнее время казаки, именующие себя „вольными казаками“, развили свою деятельность в смысле внедрения в Кубанские организации, находящиеся в Югославии“). Одну только поправку мы позволим себе здесь внести: мы не казаки, именующие себя „вольными казаками“, а просто вольные казаки.

Провалили Вы самого себя на второй же фразе. В самом деле, не кажется ли Вам, что Вы слишком злоупотребили сравнением вольных казаков с большевиками? Кто же этому сейчас поверит, сейчас, когда мы пятый год уже ведем проповедь священной борьбы против поработителей нашей казачьей Родины? Попробуем разобраться в Ваших утверждениях.

„В своей работе они прибегают к тем же приемам, какими пользовались большевики в 1917 году... „Ныне „вольные казаки“... своими действиями... вносят в казачью среду тот развал, который погубил казачество с приходом большевиков“... „Теперь по их (большевиков) пути идут „вольные казаки“ и, следуя методу большевиков, обещают казачеству благоденствие в „Казачьи“... — Так и столько умудрились написать Вы на протяжении не целых двух страниц.

— Что же это за „приемы“, к которым прибегают вольные казаки, и которые (приемы) дают основание ген. Науменко сравнивать нас, в. к., с большевиками? — А это: „подрыв авторитета лиц, поставленных волею казачества во главе его, превращение станичных сборов и собраний казаков в митинги, посылка агитаторов, распространение своей литературы и пр.“

Первое: подрыв авторитета... Прежде всего, везде и всюду действия выборных лиц подлежат критике их избирателей. Дальше: выборные лица избираются на определенных сроки, наши же „лица, поставленные волею казачества во главе его“, сами себя обратили в пожизненных и политически безответственных. И что значит подрывать авторитет? — Когда недавно почтенный донской полковник, старый казак, член Д. В. Круга, назвал ген. Богаевского на точном основании Донской Конституции клятвопреступником, — подрывал он авторитет ген. Богаевского? — да, подрывал. Но что, по Вашему, важнее: авторитет ген. Богаевского или судьба Казачества?

Или когда мы позволяем себе говорить сейчас вслух о Ваших, господин генерал, делах, приведших Кубань, а с нею вместе и все Казачество к катастрофе, — подрываем мы Ваш авторитет? — возможно. Но, Вы с Вашим авторитетом однажды погубили нас и второй раз мы того же не хотим. Мы не хотим, чтобы Вы казаков еще раз обманули. Ведь это только теперь постепенно раскрывается правда о Ваших деяниях; это из книг Деникина и Врангеля мы узнали, как усердно Вы помогали Покровскому и Врангелю разгромить Кубанскую Краевую Радугу и вешать Кулабухова; это сейчас только полк. Елисеев проговорился о том, как Вы, произведя демобилизацию своего корпуса и отказавшись подчиниться Кубанскому Атаману (что знаем непосредственно) — тем самым оказали огромную услугу большевикам и больше всех других генералов посодествовали Черноморской трагедии Кубанской армии... А помните, в Законодательной Раде, Вы, военный министр, на прямо поставленный Вам вопрос: что сделали Вы для организации Кубанской армии? — Вы ответили: ничего не сделал и делать не буду!.. И правда, Вы сделали больше всех для того, чтобы Кубанской армии не было. И только опять таки теперь, из книг Деникина и Врангеля мы узнаем и почему Вы все это так делали... Скажите: надо обо всем этом говорить вслух казакам? Должны они это знать или не должны? Вы ведь собираетесь теперь вместе с преемниками Деникина-Врангеля еще раз делать то же самое... А мы этого не хо-

тим. Почему же вы сами честно и открыто не скажете обо всех своих делах казакам?

Раз Вы не говорите, будем говорить мы. По Вашему это подрыв авторитета? — Пусть. По Вашему это — личные нападки? — Нет, это не „личные нападки, мы действительно не хотим повторения прошлого, а под Вашим водительством казакам другого ждать ничего нельзя. Сейчас, когда Вы сами, наконец, открыли свое лицо, мы вам наперед говорим: мы сделаем все, что только будет в наших силах, чтобы Вы не повели казаков под Миллера и с Миллером по старой Деникинской дороге... Судьба Казачества нам дороже Вас и Вашего авторитета.

— С нашей точки зрения, во всем этом, ничего большевицкого нет. Мы глубоко уверены в том, что так думают все казаки.

— „Превращение станичных сборов и собраний казаков в митинги“... По Вашему это большевизм. По Вашему — нет. Вы просто привыкли к обстановке, когда Вы только могли говорить. Когда говорите только Вы, так это сбор, а когда на сборе заговорят и казаки, а особенно о том, что Вам не нравится, тогда это уже митинг. Ведь десять лет казаки молчали, а говорили лишь Вы. Что же вы казакам за эти десять лет дали? И Вы теперь удивляетесь, что казаки не вытерпели и заговорили! Заговорили потому, что уж очень наболело. И знаете, что? — будете или не будете называть Вы их за это большевиками, они молчать уже не будут. Вы сами прекрасно понимаете, что добровольно сейчас под Миллера на московскую дорогу никого не поведете, поэтому Вы и прибегаете к „запугиванию“ наперед... Но, ошиблись Вы в своих расчетах: теперь это уже не действует. А если хотите, чтобы казаки не говорили, тогда и сам не собирайте собраний и сходов, а выстройте в сотню, скомандуйте и... прикажите... Попробуйте.

„Посылка агитаторов, распространение своей литературы и пр.“ — Тоже большевизм? Ну, а Вы, господин генерал, не посылаете сейчас своих агитаторов? Вы не распространяете своей литературы и пр.? Почему же, когда вольные казаки посылают агитаторов или распространяют свою литературу для проповеди и защиты своей казачьей программы, так это большевизм, а когда Вы посылаете агитаторов или распространяете свою литературу с призывами идти с Миллером, так это не большевизм?.. Неужели Вы сами не разбираетесь в том, что такое большевизм? или Вы рассчитываете, что казаки такие уж все глупые, что им можно так безнаказанно нести всякую чепуху? — Есть ли в мире сейчас где нибудь такое государство или общество (кроме как у большевиков), где бы люди не защищали своих убеждений, где бы партии не вели проповеди своих программ, где бы не было собраний, где бы не было политической литературы, не было партийных газет? — Значит ли, что все это и везде только большевизм? Вы ли так наивен или нас всех считаете „наивными“? Ведь то, что Вы написали о „большевических приемах“ вольных казаков, всякий здравомыслящий читатель может назвать только непроходимой глупостью... А отсюда недалеко уже от подобной оценки и автора таких слов...

„Ныне „вольные казаки“... своими действиями... вносят в казачью среду тот развал, который погубил казачество с приходом большевиков“ (стр. 2) — так утверждаете Вы.

Мы опять позволяем себе думать, что Вы намеренно, в расчете на неразборчивого читателя, стараетесь смешать и перепутать разные вещи. В самом деле. В 1917 году фронтовое казачество поддалось на момент проповеди большевиков и разоружилось. А потом, когда оно зубами и когтями вырвалось из красного русского пожара, Вы повели его бороться за дело русских помещиков и старых губернаторов; Вы сделали все, чтобы утопить Казачество в русском „белом“ море. А в 1920 году развал казачьих сил Вы делали намеренно для того, чтобы Казачество под своими лозунгами и не под водительством Деникина борьбу наверняка проиграло. Мы об этом говорим Вам открыто и не скрываемся за „личные нападки“.

Так было тогда. А теперь мы, вольные казаки, открыто и честно ведем проповедь и боремся за свою казачью программу, зовем казаков на свою казачью дорогу, убеждаем перестать служить и Сталину (там) и Миллеру (здесь). Мы боремся за интересы Казачества и никого больше. По Вашему — это внесение развала... Неужели Вы думаете, что казаки во всем этом не разберутся?

Впрочем, если наша работа и наша проповедь вносит развал в Ваше дело: Миллер-Богаетовский-Науменко, тогда мы никаких Ваших упреков на этом месте не боимся. Даже больше: обещаем вносить развал в дело „русских казаков“, обращая их постепенно в вольных казаков. Вы будете, с своей стороны, иметь утешение в том, что по мере сил своих, будете продолжать вносить развал в казачье дело...

С Вашей точки зрения „большевицкий грех“ наш и в том, что мы обещаем Казачеству „благодеяние в „Казаккии“. — Что мы обещаем, секрета никакого и ни для кого не представляет. Повторяем и еще раз: мы зовем Казачество к борьбе за свое освобождение, к строительству собственной казачьей государственности, к трате казачьих сил только на свое казачье дело. Во всем этом, с нашей точки зрения, гораздо больше благодеяния, чем в служении чужому делу под чужой командой, к чему зовете казаков Вы. И опять таки никто не поверит Вам в том, что мы в своей работе следуем „методу большевиков“...

Недавно на страницах нашего журнала мы высказали уверенность в том, что из двух частей Кубанской Конституции — собственно Конституции и декларативного предисловия к ней, принятого под непосредственным давлением командования Добрармии, поддержанного и некоторыми старшими военными начальниками кубанцами, — ген. Науменко признает только эту часть декларативную, вынужденно принятую, но обещающую в будущем (когда?) „связь“ Кубани с Россией. Ныне ген. Науменко сам это подтверждает.

Интересное „совпадение“. Недавно (4-го июля) в Праге, на одной „тайной“ „дискусии“ казаков по казачьему вопросу г. Безкровный, выступая против В. К., „аргументировал“ тоже К. Конституцией... Так иногда „противоположности“ сходятся.

Удивительно, как нашим противникам пришлось „на руку“ „выступление“ Быкадорова. Ни одно выступление против В. К. в последнее время не обходится без ссылок на его „письмо“. Причем, все усиленно (очевидно в пылу полемики) преувеличивают роль, которую на самом деле играл в ВК движении Быкадоров. Мы в достаточной мере уже оценили в свое время поступки Быкадорова и повторяться еще раз здесь не намерены. А что роль его не была такой уж „видной“, что он не был „сам основоположник и идейный... вдохновитель“ ВК, как пишет ген. Науменко, постоянные работники ВК знают больше чем хорошо. Что это так, лучше всего свидетельствует один уже тот факт, что „уходя“ г. Быкадорова в свое время никто из в. к. даже не заметил, а ни тогда, ни после выступления со своим „письмом“ он не взял от нас с собою ни одного в. к.

Ген. Науменко советует казакам „крепко подумать“ над „письмом“ Быкадорова. Мы бы присоединили к этому и свой совет: крепко подумать и над письмом и приказами и самого ген. Науменко.

Больше чем наивная аргументация ген. Науменко против казачьего начала у нашей казачьей молодежи. Молодость не мешает быть добрыми казаками. Мы думаем, что наоборот, старость ген. Науменко мешает ему быть больше казаком, чем русским.

Что касается вопроса о том, кто и что наш враг, кто главный и кто не главный, то мы, опять таки, так много писали по этому вопросу, что повторяться еще раз в угоду ген. Науменко не будем. Позволим себе сослаться хотя бы на №№ 100 и 102 „В. К.“ Одно только добавим: большевики-коммунисты в 99% — русские люди; сов. власть держится при поддержке русского народа; русский же народ вытесняет казаков там со своих Краев; русский народ колонизует казачьи земли там... Кто шел против нас во время войны — рядовые казаки лучше всего сами знают.

Ген. Науменко зовет казаков „идти вместе с рус-

ским народом против большевиков“. Мы знаем, что это значит: ген. Науменко под русским народом подразумевает всего только „Р.О.В. Союз. Нам же ген. Науменко приписывает намерения звать „к братоубийственной борьбе против России“. Если бы вопрос шел только о „братоубийственной“, то тогда, ведь, и борьба Миллер-Науменко против большевиков будет тоже братоубийственной... Но, мы позволим себе сказать сами за себя, как это делали и всегда (и в толковании своих намерений через уста ген. Науменко не нуждаемся). Слушайте еще раз: если русский народ действительно пойдет против большевиков, мы, казаки, во время борьбы за свое освобождение не откажемся от того или иного соглашения и сотрудничества с русским народом, но при одном условии: русский народ признает за Казачеством полное и абсолютное право на государственную самостоятельность; русский народ никогда уже не введет своих вооруженных сил на казачьи территории и возьмет с собою немедленно в свое отечество весь свой „колониальный элемент“, захвативший ныне казачьи земли. Вот наши условия. Каковы условия Ваши, господин генерал?

„Выступление“ свое против В. К. „Кавк. Казак“ задумал организовать довольно широко, выдвинув на позицию сразу всю свою тяжелую артиллерию.

Такой „артиллерией“ должно считать и выступление полк. Соламахина на собрании Смедеревской станицы.

Раньше, чем перейти к сути выступления полк. Соламахина против В. К., считаем не лишним остановиться несколько на таких „вещах“, как этика, мораль, честность, порядочность. Нужны или не нужны, должны или не должны они быть свойственны и нам, казакам, — даже в нашей взаимной борьбе? — С нашей точки зрения, было бы весьма прискорбно, если бы эти качества у казаков отсутствовали. Очевидно, что полк. Соламахин держится другого взгляда или те „вещи“ ему действительно не свойственны.

В своей речи в Смедерево (стр. 15) он, полк. Соламахин, сделал одно признание, которое мы не только приведем здесь целиком, но которое потом позволим назвать его собственным именем. Он признался:

„Мне, как Войсковому писарю, приходилось и сейчас приходится... собирать сведения о жизни кубанцев, где бы они не были, и представлять сводку сведений В. Атаману. Поэтому я не мог пройти мимо народившегося в 1927 г. В. К. с центром в Праге. Естественно, что у меня завязалась переписка с вольными казаками и я довольно подробно знал, что там происходит. О своей переписке я осведомлял В. Атамана... В 1929 г. у в. к. в Праге обнаружился сильный перебой и, с уходом от работы многих основоположников этого движения, вольноказачье строительство замерло. Переписка с ВК центром у меня продолжалась до тех пор, пока таковой лояльно относился к В. Атаманам. Когда же поднялась травля Войсковых Атаманов и ярко обнаружилась работа на разрушение Казачества, мне само собой пришлось прекратить переписку“.

Должны признаться и мы: переписку с полк. С. мы действительно вели, но не по тем соображениям, по которым вел переписку с нами он. О наших соображениях мы тоже скажем откровенно несколько ниже.

Прежде всего — некоторые „фактические поправки“ к цитируемой части речи полк. С. Первое: „Когда же поднялась травля В. Атаманов и ярко обнаружилась работа на разрушение Казачества, мне само собой пришлось прекратить переписку“. Заявляю: полк. С. весьма поддерживал (в своих письмах) и „поощрял“ наши ответы Донскому Атаману. Так что же: делал он это тогда искренно или провокаторствовал? Зачем Вы, господин полковник, говорите сейчас неправду? Ведь спор наш с Куб. Атаманом только начинается, а с Донским (по его инициативе) начался еще в 1928 году (см. его выступление в „Вестнике Казачьего Союза“, № 14—15, январь—апрель, 1928, и наш ответ ему в № 10 и 11 „В. К.“ от 25 апреля и 10 мая 1928 г.) Переписка же наша с Вами прекратилась в середине прошлого 1931 года (тем, что Вы не ответили на Ваше последнее письмо, т. е. не Вы прекратили переписку, а

с Вами прекратили переписку). Значит, в одной Вашей фразе — сразу три лжи. Мы, в. к., не меняемся: в 1932 году мы те же, что были и в 1931, 1930, 1929, 1928 и 1927. Когда же это Вы обнаружили, «работу на разрушение Казачества»? — Вопрос стоит иначе: игра Ваша была разоблачена и казаки перестали Вам верить. Но, Казачество от этого не разрушится, это только помогает росту ВК движения (от чего Вы сейчас «и нервничаете»).

Ваша же роль в нашей переписке (да и не только в переписке) была, как Вы и сам в этом сейчас признаетесь (спеша, очевидно, упредить некоторые события), — разведка. С нашей точки зрения — роль не совсем хорошая. Кто же после этого когда поверит Вашему слову? Ведь каждый, с кем Вы теперь попытаетесь говорить, невольно поставит перед собой вопрос: а что на этот раз полк. Соламахин искренно говорит или разведку делает? Одного Вы не рассчитали, господин писарь, — «осведомителями», «разведчиками», «шпионами»... пользуются, но их никогда не уважают, в порядочное общество не пускают и руки не подают.

Впрочем, что касается лично Вас, господин полковник, то должны признать, что человек Вы довольно «ловкий»: свою работу разведки среди нас Вы умудрились сочетать даже с некоторыми «выгодами»...

Итак, господин полковник, Вы сказали вслух, почему Вы вели переписку с нами. Скажем ныне и мы, почему мы вели переписку с Вами.

Своей основной задачей: обратить всех казаков в вольноказачью веру, собрать их около вольноказачьей программы — мы ни от кого не скрываем. Говорим и говорили об этом вслух открыто, прямо и честно. Для нас не существует казаков наперед отвергаемых. Двери ВК открыты для каждого порядочного казака, который честно становится вольным казаком. Мы учитываем историческое прошлое Казачества и те влияния, коим оно подвергалось на протяжении последних двух столетий. Ведь даже теперь среди казаков было много противников ВК только по недоразумению, только потому, что обстановка, среда и школа сделали многих казаков «русскими казаками». Но стоило этим «русским казакам» самим и ближе узнать суть вольноказачьего движения, как они становились действительными вольными казаками. Вот почему мы не можем ни к кому из казаков подходить с заранее предвзятым мнением, что он есть или наш убежденный противник «на веки» или подлец. Вот почему мы пробовали и пробуем говорить со всеми, убеждать всех. Так будем поступать и впредь. И в будущем будем говорить со всеми, будем проповедывать свою программу всем, ибо конечным идеалом нашим является обращение всех казаков в вольных казаков. И ни от кого из казаков мы не отвернемся раньше, чем не попробуем вложить персты своя...

Но, братья-казаки, все вы хорошо знаете, что не все люди идеальны. Вот почему и на нашем пути встречаются казаки разные. Наряду с честными и правдивыми вольными казаками, в наши ряды попадают иногда авантюристы, иногда корыстные, иногда «разведчики» от противников, иногда «слабые духом».

Но, все это скоро разоблачается и удаляется. Лучше бы было, если бы таких случаев не было, но переделывать людей мы не можем. С этим «злом» мы боролись и боремся успешно и можем заверить всех вольных казаков, что если раньше наши противники не погубили в. к. движения, то теперь уже не погубят. И неправду говорит полк. Соламахин, что «вольно-казачье строительство замерло». Напротив, оно потому так сейчас и «сердится», что рост его не дает им спокойно спать...

Что касается самой переписки нашей с г. полк. Соламахиным, то ко всему вышесказанному можем только добавить, что в то время, как мы вели ее искренно, он «играл». Кому из нас потом будет больший убыток — увидим. Но «закон» уж таков: «осведомитель», раз разоблаченный, может спокойно считать свою карьеру конченной, — больше он уже никого не обманет.

Теперь несколько слов по существу Смедеревской «речи». «Результат» ее уже известен: 64 за ВК, 6 —

за полк. Соламахина. Мы уверены и в том, что если бы можно было собрать все Казачество на такой общий сбор, то соотношение сил между ВК и последователями русского «белого дела» было бы приблизительно таким же. Это одна из самых существенных причин, почему «К. К.» «заволновался» и почему он так не хочет ВК съезда.

Большую услугу нам полк. С. оказал тем, что раскрыл, наконец, планы и намерения «Кубанского Представительства»: «Наш бывший и будущий союзник в борьбе с коммунистами это Обще Воинский Союз»... Теперь все ясно и для всех ясно. Теперь, по крайней мере, все будут знать, с кем имеют дело (если, конечно, полк. Соламахин не ведет там всего на всего очередную разведку)...

Когда полк. Соламахин говорит, что «большевики» десяток лет упорно натравливают одну часть русской эмиграции на другую: украинцев, казаков и грузин на великороссов и наоборот, то это свидетельствует, что г. Войсковой писарь совсем не разбирается в том, что кругом происходит. Во первых, украинцы, казаки, грузины и великороссы — не все суть части русской эмиграции, а, во вторых, отношения между ними определяются совсем не большевиками и эти отношения теперь нисколько не изменились бы, если бы большевиков не было совсем. Украинцев, казаков, грузин и великороссов разделяют их национальные интересы и русское единородство. А в отношении единородства русские все одинаковы — белые, красные, черные, зеленые — все равно.

Особенно следует обратить кубанцам свое внимание на ту часть речи полк. Соламахина, в которой он старается задним числом возвести на все Кубанское Казачество гнусную клевету. Говоря о ноябрьских событиях на Кубани, о разгроме Рады и повешении Кулабухова, стараясь объяснить или оправдать роль в них ген. Науменко, полк. Соламахин пробует утопить во всем том деле всю Кубань. ... «Большинство кубанцев как дома, так и за рубежом, не было против совершившегося... Аппарат власти (кубанской) этому сочувствовал»... (Под властью полк. С. разумеет здесь б. В. Атамана Филимонова и правительство Курганского).

Неправда-ли, новая постановка вопроса? До сего времени все мы знали, что переворот на Кубани совершен вооруженными силами Добармии при помощи и содействии только некоторых кубанских офицеров во главе с генералом Науменко и при попустительстве ген. Филимонова. Кубанские войсковые части были ловко обмануты. Что кубанцы были против (а не за, как утверждает сейчас полк. Соламахин) — самым ярким свидетельством тому является уход кубанцев с фронта, единодушный взрыв ненависти в адрес палачей в станицах, вспышка Пилюковского движения и пр. Никто почти тогда не знал одного — это роли во всем этом действе ген. Науменко, каковая (роль) раскрывается постепенно только сейчас.

Зачем Вы, господин полковник, так безбожно и страшно клеветаете сейчас на все Кубанское Казачество? Неужели думаете, что оно не найдет способа надлежащим образом Вам ответить?

На стр. 18 «К. К.» (или полк. Соламахин?) делит казаков на центр и фланги. Думаем, что такое распределение не отвечает действительности. Казачество делится сейчас на две части: В. К. — казаков-самостийников и на «русских казаков». Эти последние, в свою очередь, делятся на два «фланга»: «русские казаки» за рубежом — это преимущественно миллеровцы (бывшие денкинцы и врангелевцы) и кирилловцы, а «русские казаки» там — «красные казаки» — помогавшие в свое время большевикам. Если уж говорить о центре и флангах, то с нашей точки зрения гораздо ближе к истине будет, если в центре мы поставим казаков, исповедующих Казачью Идею, объединяющихся около Казачьей Программы. Центр — это Казакия. А фланги — «русские казаки»: с одной стороны «черные» и «белые», а с другой «красные».

Что касается упоминания о каких то „предложениях“, делавшихся В. Атаману и им отвергнутых, то думаем, что это очередной „номер“ для поддержания к себе „интереса“. По существу же в том, что В. Атаман сидит и ждет „предложения“, никаких заслуг его в том нет. Если бы Казачество имело в настоящий столь важный для самого его исторического существования момент надлежащих Атаманов, они не сидели бы и ждали, а сами искали бы „предложения“, могущие облегчить положение Казачества сейчас и его борьбу за освобождение.

На всякие тупые „шпильки“ „К. К.“ отвечать не будем.

Неправду пишет „К. К.“ о том, что „наши видные (чем и с каких пор?) кубанцы отошли от пражского в. к. центра, как полк. Федоров, полк. Бережной“... Не они отошли, а их „отошли“. Если хотите или они хотят, — можем сказать и почему. Вообще же нам не нужна „интеллигенция“, которая хочет сидеть сразу на нескольких стульях, как не нужны нам и те, которые были с нами только до тех пор, пока им платили.

IX. Všesokolskému sletu

Zdar!

Да здравствует IX Все-

сокольский

Слет!

Проф. д-р. Мирослав Тыриш, основатель сокольства.

А. Н. Трофимов.

Страна казаков.

(Доклад, прочитанный 17 апреля в Париже, 24 апреля в Лионе и 5 мая в Килии).
(Окончание).

Надеюсь, что вы не откажетесь полюбоваться и на то, как велись у нас и другие отрасли хозяйства. Например, свиноводство! Были, правда, хозяева, которые следили за этим. Разводили и такие даже породы, как йоркшир и беркширы. Особенно это было заметно на Кубани в таких отделах, как Армавирский (186 тыс. свиней), Екатеринодарский (178 тыс.), Таманский (157 тыс.) и Ейский (152 тыс.), где занимались уже промышленным свиноводством.

Но было и так, что не только отдельные хозяева, а целые станицы, как например на Дону, при начале полевых работ выгоняли их в луга. И там, среди диких фруктовых деревьев и кустарников, вокруг маленьких озер они проводили время до самой глубокой осени. Длинные, с выгнутой спиной, длинной мордой и большими клыками, они не всегда были безопасны для лю-

бителей охоты на дичь. А потом, в один осенний день слышим, как сиделец, „страж закона“, скликает казаков, по приказу атамана, садиться на коней загонять свиней. Идет облава лугов, кустов, буераков, а затем разбирают по меткам. Это у нас было „образцово-показное“ свиноводство. Да и ей Богу, если бы рассказать иностранцам, диву б дались. Хотя и плох был присмотр за ними, но было их в таком достатке, что зимой, как захотелось, — „а ну, поймай-ка поросенка!“ И он уж на столе. Ели сами, когда хотели, и при своем-то „культурном“ свиноводстве еще и вывозили за пределы казачьих земель.

По переписи 1916 года их считалось у нас больше 2-х миллионов голов. Особенно много на Дону — 931.300 голов и на Кубани — 585.100 голов (Г. Карев). Тут же в станицах или на пастбище по займищам

мы находим у казаков большое количество лошадей, рогатого скота, овец и изредка верблюдов. Но это не удовлетворило бы наше любопытство и не дало бы нам точной картины скотоводства в Казахских Краях, если бы мы ограничились пребыванием только в станицах и слободах. Так что, погостивши немного здесь, побывавши в садах, огородах, на бахчах, полюбовавшись виноградниками, давайте проедемся с вами по 2-му Донскому округу, Донецкому и Сальскому округам, спустимся в Калмыцкие и Астраханские степи, побродим в Предкавказьи в пределах Кубанской области, захватим отчасти и Ставропольскую губернию.

По мере нашего продвижения в степи, нас охватывает какой-то своеобразный, так близкий и знакомый нам отзвук наших просторов: то слышится веселое ржанье лошадей, как хохот „детенышей“ степи, то тихое заунывно-густое мычанье скота, то беспокойно-крикливое блянье овец. Как приятно смотреть, когда мимо вас проходят громаднейшие табуны лошадей, этих наших степных скакунов, этих незаменимых соратников в поле и дома; этих „соратников“ до смерти в пылу боевых сражений.

В подавляющем большинстве все это питомцы Дона. Но вот и красавцы Кизлярского и Моздокского округов Терского Войска, иль Майкопского и Баталпашинского отделов Куб. Войска. Не английской все они крови, но... лишь сядет казак на него и... как вихрь, стрелой пролетит по широкому полю, только пыль закружится сзади и уж скрылся вдали...

А вот там, вдалеке от дороги, глядите, как гуртами по несколько тысяч голов, как грозная туча, как „рать“ безгласная, но могучая и покорная, мирно проплывает перед вами и так же тихо скрывается в соседнюю балку, — то рогатый скот идет на попас.

А тут вот... земля усеяна как будто какими-то точками, темно-серыми пятнами, но... все шевелится, все ищут чего-то, все выбирают лучшее, что взять от матери степи. Это отары овец, баранов, отчасти коз.

И все это росло и паслось на наших Казахских Землях.

Но сколько же их было? По переписи 1916 года лошадей — 3.224.000 голов; крупного рогатого скота — 7.277.500 голов; верблюдов — 198.500; овец — 11.660.700 голов; коз — 829.300 голов; свиней — 2.025.300 голов, а всего — 25.215.500 голов.

(„Каз. Дело“, № 2. Г. Карев).

Просматривая данные других государств за 1914—16 года, находим, что по общему количеству скота мы уступали многим из них, занимая лишь 8-е место в мире (ведь это и не так то уж плохо!). Но нельзя не отметить, что уступая некоторым, мы в то же время и превосходили такие государства, как:

Италия (1914 г.)	9,3 мил. голов.
Испания (1913 г.)	22 мил. голов.
Дания (1914 г.)	5,52 мил. голов.
Бельгия (1913 г.)	3,3 мил. голов.
Голландия (1913 г.)	4,34 мил. голов.

Тогда как у нас по одному Дону (1916 год) было всего скота 8,252.800 голов, т. е. один Дон немногим уступал такому государству, как Италия, и превосходил Данию, Бельгию и Голландию.

Если мы уступали некоторым крупным мировым государствам общим количеством скота, то не надо забывать, что они и по количеству своего населения часто во много раз превышали нас. Но давайте ка подсчитаем, а сколько же голов скота приходилось у нас и у них на каждую сотню душ населения, чтобы знать, насколько мы сильны были в отношении обеспечения населения скотом.

Дон, Кубань, Терек, Астрахань, Ставрополь (1916 год) на 100 человек населения в среднем

	202 головы,
Россия (1916 год)	106 голов
Англия (1915 год)	90 „
Германия (1915 год)	42 „
Дания (1914)	128 „
Франция (1916 год)	68 „
С.-А. Соед. Штаты (1915 год)	133 „

Таким образом, обеспеченность скотом наших Земель была почти в 2 раза больше, чем в России и,

если не считать такие страны, как Уругвай и Аргентину (на 100 жителей в Уругвае приходится 2.322 овец), то... Казахи Земли могут претендовать по данному признаку на передовые места в мировом хозяйстве (Инж. Бейсуг).

Чтобы осознать, какую важную роль играло у нас скотоводство и какие неисчислимые прибыли оно приносило, не надо особенно копаться в исчислениях. Давайте просто так вот присядем с вами на шляху и здесь среди разговоров и отдыха, любуясь простором и ширью Казахского Края, как бы желая получить точное представление о том, сколько скота отправлялось за пределы Казахских Земель, посмотрим и... увидим, как движется мимо нас нескончаемая масса в 300.000 голов скота. В большинстве все это держит путь туда, на север, в Россию. А там, вдали, смотрите, как проносятся поезда, как бы стараясь друг друга догнать — то идут за пределы Казахской Земли всевозможные продукты скотоводства: мясо — 673.000 пудов, сало — 102.200 пудов; молочных продуктов — 53.570 пудов; кож — 574.000 пудов и шерсть. Всего на сумму 30 мил. руб. — О том, какой же доход оно давало нам, достаточно указать только на то, что стоимость одной шерсти, добытой у нас в год, оценивается, в среднем, в 72.600.000 зол. рублей (Г. Карев) — и тогда только станет ясно — какая же польза была от всего скотоводства. (2.692.700 пудов. 27 рублей за пуд).

Но... „Если бы мы имели свои суконные фабрики, то вся получаемая у нас шерсть приносила бы населению 40 рублей с пуда, не считая дохода фабрик, а общая сумма дохода выразилась бы в 107,7 мил. рублей, т. е. на 35 мил. рублей более“ (Г. Карев „К. Д.“ № 2).

От этого „если бы“ казаки много и много теряли, но что было делать когда, по словам В. А. Харламова „министерским циркуляром запрещено было давать разрешение на открытие шерстяных и хлопчатобумажных фабрик на окраинах, дабы обеспечить работу уже существующим фабрикам“ (Г. Карев. К. Д. № 1).

Но говорить, что мы брали от скотоводства все, нельзя. Ведь все наше скотоводство в целом давало нам наименьшую долю того, что оно должно было дать при умелой постановке его: оно не было организовано так, как в культурных странах Европы, и не по вине казаков, ибо, по мнению русской власти, учение вредно для казаков.

„Нужны породистые производители, нужна организация, по европейским образцам, кооперативных племенных рассадников, нужно введение в оборот травосеяния и корнеплодов для создания возможности стойлового содержания молочного скота, нужна организация сбыта молочных продуктов, поднятие маслоделия и сыроварения“ (Инж. Бейсуг).

Чтобы иметь представление о том, как много мы теряли на этом, стоит указать, что Бельгия, имевшая только 2½ мил. голов рогатого скота, вывозила 5.600.000 пудов масла, а мы при 7.277.500 голов скота только 53.570 пудов всех молочных продуктов.

Вот что значит знание, организация, желание и общее стремление народа к возвеличению и обогащению своей страны. Вот что значит отсутствие опекуна над собой, не желание смиренного подчинения ему. Вот что значит сознание, образование, любовь к своим Родным Краям, преданность им, желание служить, работать, жить и умирать за них. Эти начала являются руководящей звездой в жизни народов, свободно, без всяких опекунов, устраивающих свое благополучие. Они же должны руководить сознанием и деятельностью каждого казака.

Раз навсегда, казаки, отбросьте от себя чувство покорности к кому бы то ни было. Смело, по казахски, взгляните вперед и бодро, сплотясь во единый фронт под знаменем Вольного Казачества, идите, не глядя ни на что, к возрождению своих Казахских Краев, к их процветанию, к их совместной жизни в свободно заключенном Союзе — Казаки и вы приобретете то, чем так болят ваше сердце — Отечество.

Отбросив всякую мысль о вражде иль недружелюбии к России, мы должны сказать: что было, то прошло, кануло в вечность и повторить его не желаем. Наша мысль, наше желание, наши стремления и все

силы должны быть направлены к тому, чтобы, сбросив красный наплыв, быть свободными, равными — как казаки!

Да и где же ей, Свободе-то, быть, как не в просторах страны казаков, в этой кудеснице степи, на этой волшебной скатерти-самобранке? И как много прелести в ней! Тут, по берегу рек, станицы-красавицы тонут в садах, а дальше — слободы, хутора с калмыцкими хурулами прячутся в скирдах, а дальше — ковыль приветствует вас, а вот уж места, где ветер гуляет, крутит, свистит и бросает песком, нет уж жилья, как будто все „поприжалось“ в ожидании чего то; это Астраханские пески.

Но еще немного вперед и... прохлада дохнула на вас. Ну, значит, скоро увидим мы Волгу-реку. Эх, если бы знали вы, как хороша, как красиво-обаятельна она в первый момент пробуждения весной, когда с первыми лучами весеннего солнца она уже чувствует силы в себе сбросить, разорвать, разбить оковы зимней тьмы, выйти на волю из объятий дряхлого „Деда мороза“!

Любо посмотреть, как трещит по швам его дворец, как остатки его, как бы в испуге, то лезут один на другого все выше и выше, то вновь утопают в реке. А она их охватит, вот так приподнимет, о берег ударит... Лишь пыль ледяная, как облако пара, от них подымается клубом и... падает вниз — то „Дед-Мороз“ испускает свой дух.

Прошла пора борьбы и она, чаровница „Волга-река“, свободно вздохнув, вся развернется, как будто вся пополнеет и мутной водой все выше и выше омывает свои берега. Но мало ей места сейчас в берегах, ей хочется выйти из них на простор, разлечься важно, по лугам и долинам казаков Астрах. Войска.

Проезжая весной по пути их станиц, когда Волга вошла в берега, мы не встретим там никого. Надо искать их на берегу Волги. Это страдное время для них. „Рыба идет“ — слышно кругом. Во всех направлениях мы видим лишь снасти, много, много людей и лодки рыбалок. Закидывают сети разных размеров, спешат, торопятся — ведь „рыба идет“. Шум, говор, крик несется вдоль берегов, тысячи людей возятся с ней (рыбой), то к берегу лодки причалят и тянут богатый улов, то снова пускаются в путь на середину реки.

Вон посмотрите, как бьются из сил рыболовы на лодках, чтоб двинуться к берегу ближе. Но нет... не идет... все на месте. Так много сетей захвачено рыбы. — „Режь по кускам“ — несется команда старшего. И кусок за куском сеть с добычей идет на последний откос; а здесь уж она переходит в руки других.

Пусть Астраханцы — Курмоярской, Ветляндской, Копонской, Грачевской и др. станиц скажут мне — правду ли я говорю?

А в гирлах, когда вошла идет! Здесь можно видеть, как машины, подобию крана, то и дело раскрывая рот своего ковша, опускают его в кишашую рыбную массу и, подымаясь, сыпят ее в очередь подошедшую лодку. Так много было ее, что некоторые участки в дельте Волги сдавались в аренду за сумму более 200.000 рублей, а аренда сельдяных промыслов доходила до 1.000.000 рублей. В таких местах и такие деньги могли платить лишь крупные предприятия. Думаю, что Астраханцы ничего не потеряли бы, если бы вся арендная плата и прибыль с промыслов шла бы в их казну, а не в Российскую. А ведь и прибыль не малая, если ценность улова, хотя бы по 1913 году равна 42.000.000 рублям, когда один только Астраханский район рыбной ловли мог, не стыдись за честь казака, уступить лишь таким, как Англия (118 мил. п.), Россия (168 м. п.), Соединенные Штаты (146 м. п.), Япония (60 м. п.) и Канаде (58 м. п.) (Бейсуг), занять 6-е место в мире!

Но ведь была же рыба и в других наших морях и реках. Не так много, но все же вместе у них, по данным 1917 года, улов достигал 65% общего улова по Европейской России, равного тогда 67 мил. пудов (Донская Летопись, №1).

Отдавши визит Астраханскому Войску, взглянувши на его рыбные промыслы, сядем теперь на пароход и, совершив прогулку в пределах своих казачьих вод по Каспийскому морю, пройдем в пределы Терского Войска. Кое что мы уже видели с вами здесь вначале на-

шего „обхода“. Сейчас же я предлагаю направиться прямо на места нефтяных источников, в район Грозного. Взглянуть на этот жизненный элексир, дававший в довоенное время до 65% Войскового дохода Терскому Войску.

Надо ли говорить — что такое нефть в наш век, какое могучее оружие оно дает тому, кто им владеет. Мы знаем и так, что это — „талисман“, манящий все к себе. Ведь стоит только указать, что все эти стальные птицы — аэропланы, с шумом бороздящие заоблачную даль; все это несметное количество автомобилей и тракторов; громадное количество пароходов, моторных лодок; все это необъятное „царство“ машины, мотора все с большей и большей жадностью пожирает нефть и ее продукты и все с большей „наглостью“ требует — еще и еще!

А заводы по военному снабжению?! Ведь во время Великой войны здесь на Западе „в дни больших сражений потребление бензина доходило до 750.000 пудов в 1 день“!

Не будем поэтому останавливаться на рассмотрении столь неоспоримого богатства Страны Казаков — оно само за себя говорит. Так, для памяти только отметим, что по добыче нефти мы в (1914 году (118 мил. пуд. бензина*) занимали 4-е место в мире, уступая лишь С.-Штатам, Бакинско-Ферганскому району России и Мексике. Не мешает также обратить особое внимание и на то, как уцепились и как стараются большевики. В 1928 году они, при всей их безденежности, нашли возможным затратить 45½ мил. зол. рублей на постройку нефтепровода Грозный-Туапса, с расчетом окупить его стоимостью за 4 года. Уже первые два года, насколько известно, вполне оправдали их надежды. По одному этому факту можно судить — какую могучую, повелевающую силу вы, казаки, будете иметь в нефти, освободив и воскресив свой Край Родной.**)

Но кроме осмотренных нами, далеко, правда, не всех богатств нашей Родины, мы знаем также, что „недра нетронутого Кавказа таят в себе медные, серебряные, свинцовые, цинковые, ртутные, марганцевые, железные руды, графит, серый колчедан, самородную серу и много другого. Мало где собрано так близко друг от друга такие разнообразные богатства. Запасы железной руды Тамани по самым приблизительным подсчетам могут дать 600.000 тонн чистого железа. Некоторые железные руды между р. р. Лабой и Белой содержат до 60-71% металлического железа, а магнитный железняк в некоторых местах Баталпашинского отдела — 70,9%. В верховьях Кубани обнаружен мышьяковый колчедан. У станицы Переправной, Хамкетинской и Губской замечают слой марганцевой руды. В Донской области обнаружены, но еще совсем не обследованы месторождения бурого железняка. И т. д. и т. д.“ (Инж. Бейсуг).

Недра Казачьих Земель заключают в себе такое количество богатств, что станет вполне понятным, что именно по этой причине, так тяготеют и такие „братские“ чувства питают русские „вожди“ к казакам.

Но все эти недра, богатства, ждут хозяина-казака, капитала, заботливой, умелой руки, чтобы показать миру свою красоту. Пока же в своем большинстве эти полезные ископаемые находились или в периоде исследования или только в зачаточной форме их эксплуатации (их добывания и заводской переработки). Таковую мы находим только на серебро-свинцово-цинковых месторождениях. Из всего количества свинца, добываемого в России, Казачья Земля давала 80,8%, цинка, а серебра — все 100%.

На Дону же, особенно в Таганрогском округе, мы наблюдаем в широких размерах разработку угля, этого фундамента, на котором покоится вся промышленность. Площадь, занимаемая залежами каменного угля на Дону исчислялась приблизительно в 6½ тыс. кв. верст. Уступая своим общим запасом ископаемого угля таким странам, как С.-Штаты, Канада, Китай, Германия, Рос-

*) Сюда же входит и Урало-Эмб. нефть.

**) Надо помнить, что на Кубани добыча нефти началась не так давно, а исследования последних лет говорят, что ее имеется здесь громадные запасы.

сия, Англия с Ирландией, Австралия, — Дон в то же время и превосходил следующие из нижеприведенных стран.

в 1913 году	— 18.638.000 тонн
Франция	— 11.000.000 "
Испания	— 8,7 мил. "
Япония	— 6,9 " "
Голландия	— 4,4 " "
Южн. Америка	— 5,0 " "(Бейсуг)

Так что по общему запасу угля мы можем себя считать, если уж не так богатыми, то и не бедными. Зная же, что главная масса наших угольных залежей дает высший сорт угля — антрацит, полное отсутствие бурых углей и сравнительно небольшой процент курного, интересно сравнить с другими странами в отношении наличности антрацита.

Здесь инж. Бейсуг, не имея точных данных, очень осторожно подходит к вопросу и берет лишь приблизительную цифру запаса антрацита в районе Дона — 12,533 мил. тонн. Говорит, что мы уступаем только Китаю, Индо-Китаю и Соедин. Штатам. „Из других же стран никто в мире собственно не мог конкурировать с Донской областью“.

Однако, несмотря на богатейшие запасы залежей угля в нашем Крае; несмотря на 200 миллионный денежный вклад, преимущественно иностранного капитала, в развитие углепромышленности, мы далеко не давали того, что можно было бы ожидать. Прежде всего это объясняется все это был пришлый элемент (из центральных губ. России). Задерживался он здесь до хорошего урожая дома и снова плыл на север. В связи с этим в шахтах, при 60.000 рабочих, всегда чувствовался недостаток опытных, профессиональных шахтеров, что в свою очередь, вызывало известную осторожность и со стороны капитала в затратах на улучшение условий работы, на вручение неопытным рабочим машин. Все это обуславливало довольно низкий уровень производительности рабочего. В то время, когда во Франции шахтер в год добывает — 12.400 пудов, в Англии — 15.128, в Германии — 16.678, у нас добывал только 8.965 пудов.

Но, как бы наши шахты не были слабо оборудованы, все же они по 1914 г. имели выбросить на поверхность около 500 мил. пудов угля всех сортов, который, вполне удовлетворив местные нужды, давал отправку из пределов Страны Казаков 279½ мил. пудов на сумму более 22 мил. рублей.

Цифра небольшая, но возможности неограниченные, так как использование нами близких к нам портов Средиземного моря даст возможность успешно конкурировать с английским углем.

Это богатое присутствие угля вызвало на Дону же и развитие металлургической промышленности, которая равнялась 1/7 части таковой по всей России. Ввиду того, что мы в этой отрасли достаточно молоды и что почти целиком силы и энергии наши вливались в сельское хозяйство, мы не можем сказать, чтобы мы были здесь сильны. Три металлургических завода (Сулинский, Таганрогский и Макеевский), расположенных на Дону, в общей сложности давали 26 мил. пудов чугуна, что составляло по 1909 г. лишь 8% того, что давала Франция.

Правда, сравнить себя в вопросе металлургии с такими странами, как С.-Штаты, Германия, Англия, Франция с этими колоссами промышленного мира, мы не дерзаем. Но не безинтересно, все таки, знать — как далеко уходили от нас другие страны, не претендовавшие на первые места, но и не бывшие в хвосте в среде промышленных стран. Здесь мы находим, что наша добыча составляла — по отношению к добыче чугуна Швейцарии — 58%, Чехословакии — 36% (1914 год), Японии — 36%, Индии — 43%.

Это не так то уж и мало для нашей, по преимуществу, сельскохозяйственной страны.

„Если хлеб, сталь, и уголь „козыри“ в картах Казачьей Земли, то нефть это „козырный туз“, которого никто не бьет“.

Помните это и прилагайте все усилия добиться снова обладания своей землей. Пусть, быть может, цена будет страшная, но она нуль по сравнению с тем, что мы получим в своем Крае. Не забывайте, казаки, вы,

обладатели такого богатства, в нужный момент в сознании собственного своего достоинства, силы и мощи, можете „окрикнуть“ порой, кто стоит на казачьей дорожке — „Казак идет — посторонись!“ (Проф. Щербина). Итак:

1. в географическо-торговом положении нашей страны природой предназначено выгодное положение: быть мостом между Западом и Востоком;

2. по обширности территории мы занимаем далеко не последнее место среди европейских государств;

3. по количеству народонаселения — многие из малых членов Европейской семьи хотели бы иметь не меньше нас;

4. по количеству получаемых зерновых хлебов — занимали завидное положение в среде сельскохозяйственных стран мира;

5. по даче табака — Кубань с Черноморьем превышали Германию и Турцию;

6. по количеству скота — только один Дон стоял выше Дании, Бельгии иль Голландии и немногим уступал Италии;

7. по обеспеченности населения скотом — одно из первых мест наше;

8. по добыче рыбы — уступаем лишь 5-ти странам во всем мире;

9. нефть ставила нас в четвертое место в мире в среде могучих ее владык;

10. запасы нашего угля оставляли позади себя таковые во многих странах Европы.

Таков результат нашей совместной с вами прогулки по нашим Родным Краям, по Стране Казаков, где мы, конечно, далеко не все сумели осмотреть.

Прослушав все это, нам скажут русские люди или наши противники из казаков:

— „Могла же возникнуть и развиваться промышленность в ваших Краях при царях; могли же с успехом эксплуатироваться недра Казачьих Земель в бытность вашу в общероссийской семье; могли же вы иметь такое количество скота. Имели же возможность обрабатывать много миллионов десятин земли под хлеб? Жили же и, как вы говорите, еще и не плохо. Что же вы хотите теперь? Откуда эта идея отдельного существования вне России? Откуда это недружелюбие к ней? Не есть ли это заблуждение, недооценка своих сил и возможностей? Иль это результат тяжелых воспоминаний о давно прошедших временах, покрытых пылью столетий, когда, быть может, и были порою допущены „ошибки“ русских царей по отношению вас. Иль это просто результат ненависти к большевикам, и вот это чувство, как бы по инерции, переносите на всю Россию“...

На все эти вопросы мы, казаки-самостийники, отвечаем:

— Да, жили не плохо, с голоду не умирали, но это был результат с одной стороны, тяжких трудов казака, при затрате коих вообще трудно плохо жить, а с другой — жили не бедно потому, что не отдавать жалкие крохи нашей Родной Земли, его неизмеримого богатства нам не мог никакой „барин“. А для безбедной жизни было достаточного и этого. Но мы теперь знаем, но сколько крат лучше и богаче мы жили бы, если все богатство нашей земли шло в нашу пользу и знаем — во сколько раз можно увеличить и разумно использовать богатство наших Краев, если мы, казаки, будем образованы, просвещены, свободны, независимы и будем устраивать свою жизнь так, как мы желаем того сами. Злобного чувства, ненависти или мести к русскому народу мы не имеем. Вмешиваться же „в чужой монастырь со своим уставом“ мы не желаем. Связывать себя еще когда либо с русскими организациями в борьбе с большевиками за восстановление того или иного порядка в России у нас желания больше нет. Хотят царя — не наше дело. Пожелают президента — пусть будет так. Нравится комиссар — знать такова воля самого русского народа. — „Намерения навязать царскую власть России у казаков нет. Нет желания ломать колья и из за республики — это дело самого русского народа“. Так говорил наш Войсковой Круг в 1918 году (Указ Большого Войскового Круга от 20 сентября 1918 года).

Почему мы хотим отстоять свои Казачьи Край? Потому, что вся эта Страна Казаков есть наша только наша Земля. Ни царь, ни царица не жаловали ее нам. Она кровью предков наших взята у природы и мы, казаки, только мы должны быть там хозяевами, как это было встарь. Никто, никакое правительство России не имеет никакого права, кроме права силы, распоряжаться здесь. Мы хотим, чтобы все эти сотни миллионов рублей от разработки недр, поверхности, промышленности и пр., от добычи рыбы, соли, нефти, леса шли бы не в русскую казну, а в нашу, казачью.

Мы — против той непосильной и несправедливой по отношению к нам „привилегии“, дарованной нам милостью царей России, когда казаки вместо 21 человека на 100 давали на службу 74; когда служба его продолжалась фактически 20 лет, когда он после полка в в страдную пору летних работ дома обязан был являться за десятки верст на смотр военных комиссий; когда помимо смотров должен был идти на лагерный сбор как раз в дни сенокоса, где так необходим был его труд. Мы за то, чтоб служба наших полков проходила на своей земле; чтоб наши полки отдавали свое время и силу на защиту только своих Родных Краев.

Не переоцениваем ли мы своих возможностей в будущем? Нет! Еще при царе, в Государственных Думах наш представитель там, В. А. Харламов, выступая от имени посланного его Донского Войска говорил: „я спрошу, где, в какой стране есть такое положение, чтобы маленькая часть населения, одна губерния, содержала себя целиком“... В то время как „государство (т. е. Россия А. Т.) ежегодно берет себе почти 12 мил. рублей питейного дохода... берет себе все косвенные налоги и часть прямых“ (Донская Летопись № 1).

И все же, несмотря на это, Войско Донское имело возможность оплачивать из своих собственных средств на содержание Главного Управления Казачьих Войск; Содержание Контрольных и Казенных палат и казначейств; расходы на офицерскую кавалерийскую школу; инспектирование юнкерских училищ; жалование военному следователю; содержание мест заключения; жалование Войсковому Атаману и состоящим при нем чинам; содержание Войскового Штаба В. Д.; содержание управления начальника артиллерии; содержание льготных и запасных батарей; содержание местных команд; содержание льготных офицеров, пенсии чиновников и т. д.“ (Проф. С. Г. Сватиков).

Так что Дон уже хорошо знает, что такое содержание самого себя. Почему же другие наши Войска не смогут сделать того же, когда некоторые из них, пожалуй богаче Дона, как например Кубань. Терек же и Астрахань тоже не могут пожаловаться на бедность, а о Ставрополе и Черномории мы все вместе с ними позоботимся о них. Так что, как видите, мы не переоцениваем, а только знаем цену себе и своим возможностям.

Мы — против всякого разделения нас на дворянство и рядовое казачество. Мы — все дети нашей Родины равны перед законом. У нас „каждый казак — атаман“. Нет места среди нас ни белой, ни черной кости. Мы — против хищнического, безрассудного, произвольного раздаривания помещикам наших Земель. Мы хотим, чтобы все эти многие миллионы нашей лучшей земли принадлежали б нам, всем казакам, а не частным лицам. Мы — за школу, а „манеж“ подождет. Мы за атамана-казака, а не за иностранца. Мы... одним словом, мы за право жить свободно, как это было встарь и как подобает казаку в своем кругу, где все должны быть, как один, на равных правах, в общей нам отчизне — Казакции.

Иль этих целей вам мало? Иль они не стоят перед нами, как яркая путеводная звезда в нашей скитальче-

ской жизни? Иль, по вашему, так малоценна эта идея, чтобы не стремиться к ней, чтоб не любить ее, чтоб не найти в себе волю к общей спайке и дружной работе на пользу и счастье Родных Земель?

Ведь все это мы осмотрели вместе с вами, все эти места, где только что прошли — это и есть та Страна Казаков, где черного хлеба не знали, где курицу за птицу не считали, где было что покушать; было во что одеться, было на что погулять, было что и продать; где было чем похвалиться, было что и показать.

А теперь? Это — край, где голод царит, где уж режут табуны лошадей, где не виден уж скот и отары овец. Это страна, где запустели наши станицы, как после чумы. Неслышно в них песень казачьих, не видно и танцев былых. Это Край, где казаки и казачки, как Богом забытые люди, как нищие или преступники, бродят в лохмотьях и... русские люди, измываясь, смеются над ними.

Теперь это место, откуда несется призыв на защиту Страны Казаков от нечисти красной! Теперь это Край, откуда

„Под звон кандалов казаки совершают
Невольничий путь к Соловкам“... (К. Поляков),

И не нам, казакам, плакать о России, лить горькие слезы о ней; не нам терзать свое сердце песней о ней на мотив „замело тебя снегом, Россия“. Предоставим это „мокрое“ дело самим русским людям — их много... Пусть они научатся любить свою отчизну так же, как мы. Пусть, если уж так это им мило, льют слезы о ней и те из наших ученых мужей, былых и настоящих вождей, которые забыли степи родные, презрели Казачество в целом. Пусть уж они льют потоками слезы за матушку-Москву, в два рукава утираясь.

А мы?! Мы, вольные казаки не плачем не только по России былой, но не роняем слез и по своим Краям. Нет места слезам в глазах казака! Не раз и не два мы с вами смотрели смерти прямо в глаза, когда она, беспощадная, шагала среди нас в разгар боевых сражений, когда одним своим измаком страшной косы вырывала лучших бойцов из казачьих полков. И мы не плакали... Не к лицу нам слезы... В ожидании грозной борьбы все казаки должны смело стать на общий путь — Казачий, все идти в наш Вольноказачий Круг, стать под знамя Отчизны-Казакции. В должный час с казачьим „ура“ смело идти в бой на красного врага за честь, славу, доблесть, свободу и право Казака!

Стать, как стена, по границе Земли Родной и... ни шагу вперед, ни шагу назад, свое должны отстоять, чужого не брать.

Все, что происходит там сейчас, весь этот ужас многолетнего красного террора, это надругательство над всем, что свято в жизни казака, заставляет нас с болью в сердце, но с твердой надеждой в душе, что Правда все-же победит, громко крикнуть туда, ко всем казакам и казачкам, чтоб слышали нас —

Казачество славное, издревле гордое,
Казакция — наша Родная Страна!
Ты, породившая нас себе на утеху,
Лежишь распростертая ниц...
Видим все горе твое, всю печаль и страданье,
Видим, как красный „вампир“ пьет твою кровь,
В иступлении жадном позабыв, что он человек.
Слышим уж зов твой, заглушенный, оттуда и говорим —

Знай, Отчизна, что мы не забыли тебя во
изгнании.

Знай, что по звуку сигнала — „в поход“,
Как стая орлов с чуждадных сторон
Мы вихрем слетимся на помощь тебе!
Все отдадим для тебя, Родная Мать:
Силу, умение, знание и жизнь казака!

От редакции: Ввиду новых пропаж писем, адресованных редакции, настоящим самым категорическим образом напоминаем сотрудникам и корреспондентам о необходимости важные письма и материалы посылать заказными.

Чужинец.

Французское казакофильство от 1814 по 1855 год.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

В 1814 г. появляется во Франции ряд книг о казаках менее комплиментарного характера, чем раньше, как то „Историческая картина жестокостей, совершенных казаками во Франции“ и т. под.*). В них казаков именovali „северными разбойниками энтропофагами“ (т. е. антропофагами — людоедами), которые приводят в отчаяние наше отечество [Францию] самыми подлыми зверствами“... Авторы описывали казачьи грабежи, изнасилования, сопротивление французских крестьян небольшим группам мародеров. Очень живописно изображались казаки, которые скакали, бросая в воздух зажженные пучки соломы, с криками: „на Париж!“...

Автор разоблачал „план казаков сжечь Париж и похитить французских женщин, чтобы населить русские пустыни“.

Мы не будем излагать всех книг и брошюр подобного же содержания.**). Смысл их заключался не только в естественном протесте против занятия страны чужеземцами, но и в протесте против реакции, контрреволюции, которая шла на Францию за спиной союзников. Большой популярностью пользовалась в это время гравюра, изображавшая донского казака с пикой, скачущего на Париж и вцепившегося в него французского дворянина XVIII в. в треуголке, парике и т. д.

Вообще, в 1814 г. в Европе, вышедшей из великой французской революции, утвердилось — и на долгое время — представление о казаках, как верных слугах царя, орудиях реакции российской и общеевропейской. Наполеон пришел к убеждению (он выразил эту мысль в изгнании), что „через 50 лет Европа будет республиканской или казацкой“. Пришествием казаков с востока для разрушения либерализма пугают Европу в течение 40 лет (1815—1855) многие писатели. Особенно ярко выразил эту мысль поэт Беранже, вешавший, что „казачьи кони в третий раз напьются воды из Сены, царство казаков начнется на развалинах Европы королей и Христа“...***).

Из французских писателей 1830-х г. г. отметим сочувственные отзывы о казаках в „Истории России“ Энно и Шеннешо и в большом томе о России (из коллекции „Вселенная. История и описание всех народов“), написанном Шопеном. Энно и Шеннешо, написавшие совместно многотомную русскую историю*) в шаблонных выражениях писали о Разине, Пугачеве, и касались истории восстания 1793 г. на Дону. Увы! история эта была совершенно фантастическая!

Они уверяли, что на Дону шло расхищение казачьих земель „фаворитами Екатерины II“. Казаков сгоняли с Дона целыми станицами, чтобы отдать их земли вельможам. На Кубани смертность среди переселенцев была чудовищная: казаков косили голод, нездоровый климат, а „оружие... киргизов (!) довершило их истребление“ (V, 105—106). Очевидно, до Франции дошли смутные вести о нужде насильственно переселенных донцов, но без объяснения причин переселения, а авторы придумали уже объяснение от себя, по аналогии с тем, что, действительно было сделано в Новороссии с землями запорожцев после разгрома Сечи.

Гораздо точнее и яснее были представления о положении казачества в России у Шопена, писавшего в 1838 году.**). Мы возьмем из него лишь строки, посвященные „Положению об управлении Донским Войском“ 1835 года.

„1836-й год открылся, — писал Шопен, — переменю в управлении Донских казаков. Император Николай I

счел уместным навязать им новую конституцию которая, истребляя их прежние привилегии, более тесным образом привязала-бы это подвижное и воинственное население к системе абсолютной зависимости, которая является правилом для всех частей Империи. День введения этих новых уставов, регулирующих взаимные отношения казаков различных рангов, был отпразднован с особой торжественностью“. Рыбные ловли, вспомоществование солью, ежегодная субсидия в 50 тыс. руб. (на оказание помощи больным, раненым, вдовам и сиротам и на основание продовольственного капитала) были дарованы императором.

„Нельзя не восхищаться, — замечал Шопен, — с какою ловкостью русское правительство употребляет самые противоположные средства, чтобы привести к деспотическому единству многочисленные народности, окружающие ядро славянских провинций. Если сопротивление обнаруживается путем восстаний, оно раздавливает тяжестью военного могущества тех, которые пытаются доказывать разницу, существующую между царским покровительством и полным подчинением. Когда сопротивление является чертою местных нравов, то с ним борются, именно, на этой почве: милостей, оказываемых наиболее послушным, частое соприкосновения, во время службы этих нерегулярных войск с регулярными, бывает достаточно, чтобы изменить в них отличительные черты их морального облика.

„Когда этот труд по изменению (условий) продвинулся достаточно далеко, власть говорит свое последнее слово, и высочайшее решение истолковывается, как милость.

Донские казаки, по их близости к центру Империи, должны были первые увидеть истребление всех черт их былой независимости“. Она подверглась серьезной угрозе в тот день, когда они „стали избирать в атаманы русских вельмож“...***). „Вскоре, без сомнения, придет черед других племен (tribus) казачьего народа“ (race). „Земледелие и промышленность приведут их постепенно к идеям порядка и подчинения; пока же они с достаточным нетерпением сносят свое иго“...

Чтобы лучше понять интерес, который имеет Россия, от введения новой конституции на Дону“, Шопен напоминает о старых началах равенства, выборности всех должностей, отсутствие знати и крепостных на Дону. Как и весьма многие, он полагал, что возникновение донского дворянства и признание за ним соответственных прав, появление на Дону „рабов“, все это было результатом хитрой политики центральной (российской) власти. Даже и крестьян из России, „для отдачи в рабство“ донскому офицерству, прислала, по его мнению, петербургская власть, так как „вид донских степей, донские национальные песни, в которых жили традиции донской независимости удаляли от донцов всякую мысль о рабстве“... Как видим, Шопен был высокого мнения о свободолюбии и безкорыстии донских старшин и о „хитрости“ петербургской власти.

Интересно звучало заключение Шопена. „Таким образом, — писал он — то-ли в силу своего рода фатализма, то-ли скорее в силу порядка, создавшегося там, Россия, вместо того, чтобы использовать элементы свободы, рассеянные здесь и там по ее земле, пытается уподобить их и слить со своими общими учреждениями, так, как будто она испытывает ревностное желание урегулировать указами ход цивилизации, чтобы придать ему единство и точность военного управления“ (стр. 616—617)... Здесь Шопен прав, угадывая в объединительной политике Николая I его действительно существовавшее желание все и во всех областях российской жизни „подвести под один ранжир“.

***). Тут явная ошибка. Атаман из „не-войсковых“ был назначен лишь в 1848 г. Очевидно, здесь речь идет об атаманах по назначению (с 1738 г.).

*) Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France. Paris [1814].

**) P. G.* „La culbute des Cosaques qui nous apportent le flambeau de la discorde“ Paris [s. a.].

***). Béranger „Poésies“, Paris 1876, v. II, p. 74.

*) Esneaux et Chennehot „Histoire philosophique et politique de la Russie“, Paris, 1830 (особенно т. IV и V).

**) Chopin „La Russie“ Paris 1848, 672 p.

Из числа французских путешественников 1840-х годов нельзя не вспомнить супругов Оммер-де-Галль.*) Они скорбят, описывая Дон, о том, „какое ложное представление составили во Франции в 1814-1815 г. г. об этих добрых казаках, столь безобидных и столь гостеприимных“. Нигде не путешествовали авторы книги с большою безопасностью, нигде в России не встречали их столь радушно, особенно же услыхав, что они — французы.

Их тронуло то, что во всех казачьих домах был портрет Наполеона, „повешенный часто выше св. Николая Чудотворца“ (!) Им понравились казачьи дома, „точно построенные для удовольствия глаза“... „Внутренность их в высокой степени чистая, кокетливая, показывающая тонкое понимание благосостояния, которого нигде нет у русских“...

Они были поражены количеством работы, падающей на плечи казачьих женщин: „совершенно невозможно понять, когда успевают они справиться с такими разнообразными и тяжелыми задачами“... Печальный вид края между станицей Пятиизбянской и Волгой они объяснили отсутствием мужчин, отвлекаемых из родных мест военной службой. „При современной организации донских казаков (1841), всякое сельско-хозяйственное развитие становится невозможным“ (стр. 84, 89, 91).

Политики супруги Оммер-де-Галль коснулись лишь мимоходом, притом говоря о Ростове на Дону (тогда городе Екатеринославской губернии). „Смешанное население его из русских, греков и казаков не представляет, в своей манере жизни, никаких пунктов для сравнения с систематической суровостью и военной дисциплиной, которые, как кажется, управляют всеми действиями русских. Влияние народа, бывшего долгое время свободным (читай: казаков. Ч.), изменило здесь все, вплоть до характера канцелярских чиновников. В них вы уже не найдете больше спеси и самодовольства, отличительных для мелкого дворянства. Поэтому общество в Ростове приятнее, чем в любом из губернских городов. „Чин“ не преследует вас там, как всюду в других местах своими смешными претензиями. Здесь полное смешение национальностей, вкусов, идей, и каждый чувствует себя великолепно.

„Это тайное влияние, которое казаки оказывают на русских, есть вещь, достойная примечания, и — кажется — доказывает, что странности этого последнего народа более зависят от его политического устройства, нежели от его национального характера. Его естественная веселость, сдавленная инквизицией самодержавной власти, легко берет верх, когда предоставляется к тому случай“ (стр. 69-70).

Путешественники хорошо схватили общую атмосферу города, которого ни жители, сошедшиеся из всех концов России и ничем не связанные с крепостным строем, ни самая деятельность, не имели ничего общего с дворянской Россией. Но мысль о влиянии казачьего духа на этот город — очень тонкая и интересная!

В середине 40-х г. г. вышла в Париже резко и сильно написанная книга Лакруа о „Тайнах России,**) в которой целая глава была посвящена „Политике России по отношению к покоренным народам“ (гл. XIII). В последней много говорилось не только о Крыме, Грузии и Польше, но и о казаках, в первую очередь о Черноморцах. „Эта новая колония не замедлила прийти в цветущее состояние благодаря некоторым вольностям, напоминавшим обломкам запорожцев их прежнюю свободу. Но самодержавия всероссийские скоро навели порядок, отняли почти все права у этих казаков и закончили приведением их к полному почти административному и политическому единству с Империей. В

результате, Черноморские казаки, эти наследники воинственного народа, преследуемые, угнетаемые, приводимые в уныние, стали равнодушны (?) к воинскому ремеслу. Русские военачальники их совершенно не щадят и посылают в самые опасные экспедиции, как пушечное мясо“...

Донские казаки „не пользуются большим фавором. Их вольности исчезли одна за другой, и в 1836 году*) императорский указ закончил их объединение (assimilation) с русским населением“. Вместо того, чтобы составлять милицию, основанную на начале вольности, они организованы в регулярные полки. Сами казаки лично не знают рабства: император сделал им этот гибельный дар, хорошо зная, каковы его последствия; их офицеры, ранее избравшиеся ими, назначаются ныне самим самодержцем и, вместо того, чтобы покидать свой чин по окончании своей службы и становиться простыми гражданами, как того требовала их первоначальная конституция, они его сохраняют — по приказу сверху, — чтобы социальные различия, декретированные монархом, не стирались.

„Словом, — заключал Лакруа, — Донские казаки, когда-то свободные и счастливые, стали рабами и быстрыми шагами идут к тому моральному состоянию, которое есть ничто иное, как оскотиненные, но которое в глазах царей есть идеал жизненных условий для их подданных“.

Как мы видим, не одни англичане, но и французы отлично учитывали значение николаевского „положения 1835 г.“ для казачьей автономии сперва на Дону, а затем и в других казачьих Войсках. Вряд ли все же прав был автор, говоря о падении воинского духа у Черноморцев.

Русский эмигрант Ив. Головин выпустил в 1847 г. французскую книгу „Русские типы и характеры“*), в которой последнюю главу он посвятил казакам. По его мнению, тип казака все более изглаживается и он становится земледельцем или солдатом. Для восстановления исторического казачьего облика, он цитировал казачьи песни и украинские думы, бросая мимоходом замечания, что „казак“ значит человек вольный, форма правления их была демократическая, как у всех славян, вообще, но „эта дикая свобода была чуждой всякому порядку, всякой разумной организации цивилизованного состояния“...

Теперь (1847) „казаков на Украине — нет совсем“, запорожцы — исчезли, донцы утратили первоначальный облик, потеряли свой воинственный дух, их свобода исчезает все больше и больше. „Их (донское) правительство теперь полу-военное, полу-гражданское, полу-русское и полу-немецкое... Татарско-немецкий дух, варварское рабство и германский педантизм все более и более простирают свое владычество над потомками новгородцев и детьми Наливайки и Хмельницкого“ (стр. 387). Головин добавлял желчно: „будет любопытно увидеть однажды, как немцы-чиновники явятся обезьянить манеры и говор казачий, чтобы петь их национальные песни“.

В тех же 40 годах французы усиленно продолжали переводить все мало-мальски интересные книги о России и о казаках с немецкого и с английского (Гаксгаузена, Олифанта и т. д.)

Среди книг по истории России, выпущенных в Париже в 1850-х г. г. русским иезуитом кн. Огюстаном Голицыным, была перепечатка знаменитой и редчайшей брошюры о Разине „Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin“ 1672 года, вышедшая в 1856 г. В ней интересен и текст, и предисловие издателя. Кн. Голицын писал: „Из всех народов, которые составляют ныне нераздельную часть Российской Империи, самым интересным для наблюдения является, несомненно, народ казачий. Фарисейски привязанный к своим обычаям, заменяющим для него законы, как и к своим первобытным недостаткам, именно он наименее слился со своим приемным отечеством, одновременно защищая

*) Madame Adèle Hommaire de Helle „Voyage dans les steppes de la Mer Caspienne et dans la Russie Meridionale“, Paris, 1860. Муж г-жи Оммер-де-Галль, известный специалист, ездил для исследования вопроса о соединении Каспийского и Черного морей, а жена описала впечатления от совместного их путешествия, между прочим, через Землю Войска Донского.

**) Lacroix „Les Mystères de la Russie“, Paris, 1845.

*) „Положение“ 1835 г. было введено в действие 1-го янв. 1836 г.

*) Ivan Golovin „Types et caractères russes“, Paris, 1847, v. p. 363 et suiv.

его наиболее мужественным образом. Всегда он помнил, что он лишь добровольно вошел в состав этого государства, и он никогда не медлил поднять знамя восстания, как только обеспеченные ему привилегии (immunités) казались ему подвергнутыми урону (compromises)*. Голицын вспоминал по этому поводу слова Страбона о скифах „непобедимых и неотразимых, ибо нет ничего на свете, чего ради они пожелали бы претерпеть рабство“...

Что касается текста „Реляции“ (писанной 13 сент. 1671 г. в Архангельске), то французы узнавали из него о делении казаков на Запорожских и Донских. Первые „защищали“ Польшу от татар, вторые „живут на славной реке Дону и принадлежат великому царю или императору Московии и России, коему они оказывают послушание, можно сказать, более добровольное, нежели по принуждению. Они пользуются многими привилегиями, пожалованными им царем, управляют собственными законами и сами избирают своего правителя“. Наиболее яркой привилегией казачьей казалась английскому писателю XVII в. невыдача с Дону беглых.*) И эта перепечатка говорила французам об историческом прошлом вольного донского казачества.

К французским казакофилам надо причислить и Проспера Меримэ, известного своим интересом к славянам вообще и к русской литературе. Лучшие годы его деятельности падают на 1830—1860-е годы. В 1848 г. один из друзей его сообщает, что „Меримэ усиленно изучает русский язык. Быть может, он ему пригодится, чтобы обращаться с речами к казакам в Тюильри“, т. е. когда они явятся в Париж.**)

В 1852 г., в журнале „Revue des Deux Mondes“, он напечатал „Исторические сцены о Самозванце“, явно навеянные пушкинским „Борисом Годуновым“. Шестая сцена происходит в Запорожьи. На Радугу Запорожцев является одетый монахом Отрепьев, обвиняющий царя Бориса в заключении договора с Крымским ханом о разорении, совместно, Сечи и в захвате престолов.

Затем является посол от Войска Донского и держит речь: „Атаман, старшины и Войско Донское приветствуют атамана, старшин и Войско Днепровское! Борис поклялся уничтожить все казачьи привилегии; атаманами хочет поставить жидов московских (?), запрещает гнать водку! Войско Донское послало меня просить прислать помощь на случай, если бы Москали покусились на наши вольности. Казаки Донские рассчитывают на вас, как вы бы на них рассчитывали, если-бы были в подобном положении“.

Кошевой: „Чертов сын! Это меняет дело. Воль-

*) „Relation des particularitez de la rebellion de Stencko Razin contre le grand dux de Moscovie. Episode de la historie russe du XVII siècle. Précédé d'une introduction et d'un géossaire par le prince Augustin Galizin, Paris, MDCCCLVI.“

**) Tilon, „Merimée et ses amis“, P. p. 203—204.

ности казачьи это — дело святое и, если принимают за Войско Донское, то Бог его знает, что замышляется против Запорожья“...

Голоса: „Война! Война с москалями!.. Да живет Войско Донское и государь Димитрий!“

В связи с Крымской войной пробуждается интерес к казакам. В „Moniteur Officiel“ 1854 г. Меримэ печатает статью о „Казаках Украины и их последних Гетманах“ (Хмельницком и Мазепе). В статье „Литература и крепостное право“ („Revue des Deux Mondes“, 1854, Juillet) он напоминает французам, что на берегах Днепра, а так же Волги, Дона и Яика находились почти независимые войсковые поселения под именем „казачьих войск“.

В сборнике „Историческая смесь“ („Mélanges historiques“ Paris, 1855) он перепечатывает свои статьи о казаках. В 1861 г. в „Journal des Savants“ (Juillet) он печатает большую статью о бунте Стеньки Разина, выпускает ее вслед затем отдельной книгой. Наконец, он печатает сборник своих статей „о бывших казаках“ („Les Cosaques d'autrefois“), много раз переизданный впоследствии. Сюда входят две большие его работы: „Хмельницкий“ и „Разин“, обе пересказывающие для французов, с сокращениями, соответственные сочинения Костомарова. Когда он передает текст русского историка, он не грешит ни против исторической истины, ни против подлинника. Но стоит ему пуститься в самостоятельные рассуждения о казачестве (для него он придумал новое французское слово: „снсагоерие“, как сразу „кошевой“ превращается в „кочевой“ (Kotchevov) с пояснением: „блуждающий, странствующий, походный. Пустить во французский оборот мысли Костомарова и сведения о казаках, основанные на исторических актах, это была уже большая заслуга! Меримэ это чувствовал и под старость заявлял, что он и сам — казак: „Vous savez que, pour moi, je suis Cosaque“!*)

Эпоха Крымской войны связана и с практической казакофильской политикой Наполеона III, впрочем довольно нерешительной. О ней мы расскажем в связи с Чайковским и Ганчаром.

Подводя итоги предшествующим статьям, надо признать, что французы дали много примеров своего внимания к казакам, своего сочувствия их бывшему республиканскому устройству и государственному существованию, и готовы были часто считать казачьи Войска не только нациями в государственноправовом смысле, но и признать существование — в прошлом — целой казачьей нации. С моей лично точки зрения последний вывод их был ошибочным.**)

*) О Меримэ Ср. Савченко „Козаччина у французському письменстві та козакофильство Меримэ“, „Україна 1925, кн. V. — довольно поверхностный и короткий перечень названий книг об украинском казачестве.

**) От ред. Эту личную точку зрения г. Чужинца мы не разделяем.

А. Ленивов.

О происхождении, значении и толковании слова „казак“.

(Историческая справка).

Казакія, казачество, казак, казачка, казачий, казачковат, казакман и т. д. — слова суть ясные и понятные для каждого человека, также, как и установление их производности от одного и того-же корня „казак“.

Существует много различных толкований и определений происхождения слова „казак“; насколько эти определения верны и приближаются к истине, судить об этом в наше время является довольно трудным делом.

Логический подход к академическому разбору вопроса о происхождении слова „казак“, устанавливает полнейшую хаотичность в определении времени (эпохи), когда могло-бы возникнуть слово „казак“; это касает-

ся в большей или меньшей степени исследований различных историков. Н. М. Карамзин¹⁾ представитель определенного течения в российской историографии, утверждает, что „имя казаков древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра ниже Киева. Они назывались и Черкасами и Казаками. Не желая покориться ни монголам, ни Литве, они жили, как вольные люди, на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимыми тростниками и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения, смешались с ними и

¹⁾ Карамзин „История Государства Российского“. С. П. Б. 1892 г.

под именем Казаков составили один народ... сие имя означало волинцу, наездников, удалцов, но не разбойников, как некоторые ссылаются на лексикон турецкий. Оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались².

Таким образом, Карамзин определяет, что слово „казак“ существовало задолго до Батыева нашествия, которое, как известно, имело место в 30-х годах XIII ст. (битва татар с объединенными войсками русских удельных князей на р. Калке — нынешняя р. Калмиус).

Утверждение Карамзина кажется тем более характерным, если сравнить его с мнением проф. Н. И. Костомарова, который пишет³) буквально следующее, — „Самое раннее начало Казачества для нас теряется в истории. Вероятно однако, что название возникло на юге при столкновении с татарами. Слово „казак“ чисто татарское“...

Известный историк Н. Маркевич держится⁴) того мнения, что казаки взяли свое имя от Торков и Берендеев, иначе называвшихся Черкасами, наименованием тождественным слову „Казак“.

Аналогичное суждение имеет и донской историк В. Пудавов, когда он говорит⁵) что „черкасы назывались казаками, а казаки черкасами, а те и другие хозары“.

Историк XVII века Гробянка, а за ним и ген. Ригельман⁶) наименование „казак“ воспроизводят от хозар.

Кубанский историк проф. Щербина устанавливает тюркское происхождение слова „казак“. Голубовский же в своих исторических изысканиях проводит⁷) взгляд, что слово „казак“ встречается впервые у половцев и именно в смысле конника-стража. Наконец, историк Бронеvский⁸) воспроизводит имя „казак“ от страны Казакши, населенной Касогами.

Сравнивая между собою приведенные выше утверждения, можно установить явное несоответствие между ними как по характеру эпохи, так и по самому времени. Ввиду явного разномыслия по вопросу о происхождении слова „казак“, уместна прямая постановка вопроса: именно, до или после, а быть-может и в период татарского нашествия в степи юго-востока Европы, возникло слово „казак“?..

Греческий император Константин Багрянородный, писатель эпохи X века, описывая состав Хозарской империи, как в этнографическом, так и географическом отношениях, устанавливает существование страны, носящей название Казакши (Казакши), территория коей населялась конгломератом тюркских народностей. Страной, граничащей с Казакшией и простиравшейся от пределов последней до берегов Каспийского моря, являлась Алания — „страна азов“. Народами, населявшими территорию Алании, являлись племена иранского или дигиранского происхождения.

Обходя вопрос этнографического соотношения народностей, как в Казакшии (Казакши), так и в Алании, мы укажем лишь на то, что известный немецкий ученый — проф. Рейт, производит начало племени казахов от скрещения алан с готами, которые появились в южных степях Приазовья приблизительно в конце II века по Р. Х.

Территория Казакшии (Казакши) населялась народами тюркского происхождения, между тем, как Алания народами индо-европейского начала. Подобная определенность в этнографическом отношении, имеет известное значение для установления этнического происхождения слова „казак“ в смысле лингвистического начала.

Древние историки, а равно и географы отлично знали о существовании народа азов, которые в рус-

ских летописях фигурируют под наименованием осов или ясов. Плиний в своих синодиках описывает племя азов (Asoei), проживающее между р. р. Днепром и Днестром. Страбон знает уже не только о существовании города Аза на р. Танаисе, но описывает еще и берега Меотийского болота (Азовского моря), неселенные племенем Азо-меотов. Существует ли какая-либо взаимная связь в лингвистическом отношении между словами — Аз, Аза, Азов, Азия и т. д.!?.. Связь имеется и притом настолько очевидная, что уже одно общее корневое начало „Аз“, доказует в полной мере теорию проф. Рейта, воспроизводящего начало племени казахов от скрещения алан (азов) с готами. И это тем более, ибо в настоящее время устанавливается несомненное сходство корней языка алан-азов (нынешние осетины) с германским⁹) (готское начало). В конечном итоге, император Константин Багрянородный дает начертание — „казах“, старинные русские летописи — „касог“, „косог“, осетины — „касаг-казак“ и, наконец, в современном обиходном лексиконе закрепляется окончательно наименование — „казак“.

Небезинтересным является приведение следующего факта „В юрте ст. Кременской (В. В. Д.), на полпути расстояния от этой станицы до Кременского монастыря (точнее в 5 верстах от последнего) стоит небольшая каменная часовенка, причем внутри этой часовенки имеется плита из песчаника, величиной в один квадратный метр, целиком покрытая письменами на славенском языке, смысл коих в общих чертах сводится к следующему: когда-то князь Хованский с русскими войсками приходил под станицу, занимаемую касогами, и хотел взять ее приступом. Потерпев полную неудачу, Хованский воскликнул — „поистине это не станица, а кремль“ и, отступив, пошел дальше вверх по р. Дону. Верстах в четырнадцать от нынешней Усть-Мелведицкой станицы, князь Хованский со своей дружиной основал поселение, которое и поныне носит название „хутор Хованский“. Замечательным является то, что среди казаков той местности (например — интеллигенция Усть-Мелведицкой ст.) весьма часто встречаются казаки с рельефно выраженным кавказским типом лица.

Может ли слово „казак“ являться обобщающим произвольным определенным корнем тюрко-татарских языков?.. Проф. Сватиков говорит¹⁰) по этому поводу так: „...имя „казак“ заимствовано у татар, которые лакали это название всаднику с легким вооружением“. Более широкое освещение подобного определения дает проф. Костомаров¹¹) указывающий на то, что слово „казак“ по народному понятию есть вольный человек. Происходит оно слово „казак“ от турецкого и татарского „гозак“ или „гузак“ — легко вооруженный конный воин. Конкретно, целый ряд историков приходит к выводу, что слово „казак“ тюрко-татарского происхождения, с каковым обстоятельством мы никак не соглашаемся на основании наших исторических изысканий!

Украинский историк Микола Аркас пишет¹²) „Що значить слово „козак“? Це слово татарське, і значило воно чоловіка вільного, незалежного, войовничого, але разом з тим волоцюгу, розбійника, чоловіка бездомного, неоселого“. Возможно, что от внимания историков, утверждающих о татарском корне происхождения слова „казак“, ускользнуло одно примечательное обстоятельство, именно, что у Монголов в Азии до выхода их в пределы Европы, никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не существовало и не применялось в житейском обиходе слово „казак“. Это положение устанавливается исторически, также как и то, что уже после проникновения монгольских орд через Урал в пределы Европы в их боевом составе определилась особая рода конница, которая, сообразно роду воору-

²) Костомаров: „Из нашего прошлого“. Берлин 1922 г.

³) Н. Маркевич: „О казаках“. Москва. 1847 г.

⁴) В. Пудавов: „История Войска Донского и старобитность начал Казачества“. Новочеркасск. 1861 г.

⁵) Ригельман: „История о донских казаках“. Москва 1846 г.

⁶) Бронеvский: „История Донского Войска“. Новочеркасск. 1834 г.

⁷) Новейшие научные изыскания устанавливают общность 740 корней в обоих языках (немецком и осетинском).

⁸) Сватиков: „Россия и Дон“ стр. 10. Вена 1924 г.

⁹) Костомаров: „Исторические монографии“ (О казаках). кн. 5. т. XIV.

¹⁰) М. Аркас „История Украины“. Стр. 209. Петербург. 1909 г.

жения, и получила наименование как улан, так и казак. Слово „казак“ обрело право гражданства в составе Золотой Орды лишь в XV стол., когда образовалась Киргиз-Кайсакая (Казацкая) Орда. Таким образом слово „кайсак-казак“, укоренившись в монгольской среде было заимствовано монголами по появлению их в степях юго-востока Европы, т. е. было ими обретоно и даже усвоено в качестве наименования одной из пяти Орд. Сообразно приведенному, является известное сомнение в том, что слово „казак“ имеет тюрко-татарское начало!...

Несомненным является то, что русский язык получил свое развитие и усовершенствование под сильным влиянием тюрко-татарских языков, сообразно чему и получилась масса своеобразных слов с оригинальным окончанием, главным образом на „а к“ и „я к“. Если слово „казак“ подвергнуть фонетическо-звуковой разбивке, то графическая структура слова обозначится следующим образом, именно — „ка з“ и „а к“ свойственно (исключительно) словам тюрко-татарского (монгольского) происхождения: отбрасывая окончание „а к“, мы имеем формальный корень исследуемого слова — „ка з“. Берем турецко-татарские слова — „гозак“ или „гузак“ и производим соответственное отбрасывание окончания „а к“ благодаря чему получаем корневое начало слова в виде „гоз“ ли „гуз“. Сравнением корня „коз“ с „гоз“ или „гуз“, устанавливается полная возможность созвучного перехода букв, неоспоримым следствием чего, казалось, является установление полной лингвистической родственности корневых начал слов — современного „казак“ и турецко-татарских „гозак“ или „гузак“!...

Тем не менее, категорически отрицая татарское происхождение слова „казак“, в основание последовательного трактования, вернее определения возможного происхождения корня слова „казак“, мы кладем следующие моменты:

1. Греческий император Константин Багрянородный уже в 948 г. (по Р. Х.) описал и указал на существование на юго-востоке нынешней Европы (примерно в области Приазовья) страны Казахи (Казакии).

Следствие: Слова „Казахия (Казакия)“ или „казах (казак)“ были уже известны в X веке, т. е. задолго до появления татарских полчищ на юго-востоке Европы.

2. Гипотеза проф. Рейта проводит в жизнь исходное начало племени „казахов“ от смешения алан с готами.

Следствие: Если племя „казахов“ является производным из соотношения двух основных величин (алан и готов), то и само название „казахи“ является унаследованным, заимствованным, воспринятым.

3. Иосафато Барбаро (писатель XV века) указывает, что наименование страны „Алания“ происходит от народностей алан, называвших себя на своем родном языке „осами“, „ясами“. Это обстоятельство подтверждает и итальянец Плано Карпини, побывавший на территории, занятой татарскими полчищами, (в конце XIII — начале XIV в. в.)

Следствие: Аланы, осы, ясы, асы, азы и потомки их — современные осетины, имеют один и тот же родовой корень происхождения.

Суммируя приведенные положения, подводя общий итог, проводя общую параллель в развитии отдельных моментов, отмечаем, что:

а) слово „казак“ возникло в период времени, предшествовавший татарскому нашествию;

б) слово „казак“ не является обобщающим производным определенного корня тюрко-татарских языков (по признаку лингвистического начала), а представляет собой корень „ка з“ — совершенно иного происхождения и всего лишь с оригинальным окончанием „а к“, свойственным тюрко-татарским языкам;

с) слово „казак“ безусловно происходит от наименования страны Казахи (Казакии), населявшейся казаками.

Не лишним будет указать на то, что существует целый ряд историков, кои дают происхождению слова „ка за к“, — самое разнообразное начало!... Польские

историки — Пясецкий и Коховский, современники Богдана Хмельницкого, производят слово „ка за к“ от козы, приводя в виде доказательства тот факт, что казаки на своих лошадях столь же быстры и стремительны, как и козы. Аналогичного мнения держится и французский публицист XIX века — Ле-Шевалье, совместно с немецким ученым Гарткохтом.

Оригинальным изысканием по вопросу о происхождении слова „казак“, является гипотеза казачьего историка конца XVIII века Петра Симоновского. Последний, найдя у одного из римских географов на Кавказе край, именуемый Гирканией, определяет, что оное слово (Гиркания) происходит от латинского слова „hircus“, что значит козел. По утверждению Симоновского, страна Гиркания иначе именуется Козлянией, а казаки суть Гирканы (жители Гиркании), которые перебрались с Кавказа на Украину.

Гербиний ведет происхождение слова „казак“ от косы, утверждая, что казаки имели своим оружием — косы. Шерер (немецкий историк), указывает на то, что „косы“, на коих казаки проживают по побережью, суть производное начало слова „казак“.

Историки — Грабянка и Ригельман выводят начало слова „казак“ от хозар, причем историк Мышецкий присовокупляет, что хозары назывались „козарами“, вследствие того, что носили одежды из козьих шкур...

Нет никакой возможности в кратком очерке — привести все теории и гипотезы о происхождении слова „казак“. Сообразуясь с этим, мы и привели лишь наиболее оригинальные, с тем, чтобы каждый рядовой читатель-казак мог иметь общее представление по существу затронутого вопроса.

Каким образом и в какой степени определяется подлинное значение слова „казак“? Судя по старинным документам, слово „казак“ встречается в самых различных обозначениях. Один из современных казачьих публицистов¹¹⁾ дает следующее определение слову „казак“ — „Слово „казак“ — татарского происхождения. В русском обиходе оно появилось с XVI века и означало человека вольного, не знающего над собой никакой власти“. Почитаем необходимым указать, что слово „казак“ весьма укоренилось в обиходном русском языке уже в XVI веке, т. е. в тот период времени, когда началась колонизаторская политика Московского государства и последнее в силу этого положения, должно было в той или иной форме столкнуться с Казачеством... Так, генуэзец Иосафато Барбаро, а равно и Бусбек, которые жили в начале XV века продолжительный срок времени в Азове и отлично изучили страну и народ, писали, что „народ этот говорит на славяно-татарском языке и называется а за к, ка за к“.

Проф. Костомаров¹²⁾ дает определение слову „казак“ следующим образом „по народному понятию — вольный человек“, между тем как проф. Сватиков¹³⁾ указывает на то, что „гулящим людям“ приходилось организовываться и вооружаться по военному, становиться профессиональными войнами. И вот это именно, качество — военного человека — придало „гулящему человеку“ название — ка за ка. Небезинтересным является замечание В. Добрынина,¹⁴⁾ когда он говорит, что слово „казак“ — происходит от татарского или турецкого „гозак“ или „гузак“ — легко вооруженный конный воин, облик которого сохранился в донском казаке, как в боевом снаряжении (седло с высокими луками и переметными суммами), так и в приемах действий в войне“.

Понятие „служилое Казачество“ определяется следующим образом: 1. Проф. Платонов (Очерки по истории смуты. СПб. 1910 г.). — „Прикрепленные к государственной службе и к своей стрелецкой или казачьей сло-

¹¹⁾ В. Синеоков: „Казачество и его государственное значение“. Париж 1928 г.

¹²⁾ Костомаров — „Исторические монограммы“ — (о казаках), кн. V, т. XIV.

¹³⁾ Сватиков — „Россия и Дон“. Вена. 1924 г.

¹⁴⁾ Добрынин — „Краткий исторический календарь Донского Войска“ — Донской Календарь. Прага. 1928 г.

боде, эти люди вовсе не были похожи на служилых людей центральной Руси"; 2. проф. Чечулин (Города Московского Государства): „Казак — пашенные крестьяне — военные поселенцы“; 3. Павлов-Сильванский (Служилые люди): „Казак — это служилые люди не по отчеству, по прибору, нечто среднее между природными дворянами и тяглыми людьми“.

Заканчивая настоящую историческую справку „о

происхождении, значении и толковании слова „казак“, считаем не лишним привести толкование слова „казак“ в понимании А. А. Леонова, одного из видных донских казаков середины XIX века. „Казак — слово магическое! казак это — прежде всего синоним свободы, равенства и братства, и уже потом синоним удалства, молодечества (М. № 26-28. „Донские Войсковые Ведомости“ г. Новочеркасск. 1862 г.).

П. Фадеев. Париж.

Очерки большевицкой войны на фронте Уральской отд. армии.

1.

Бой в станице Илецкой.

К началу марта 1917-го года все полки Уральского Войска с фронта возвратились домой. Большая часть из них, как 1-ый, 3-ий, 8-ой, 2-ой, часть 4-го, сотня сводно-гвардейского каз. полка, возвратились вооруженные, остальные же были частично, по пути следования с фронта до Уральска, разоружены существовавшими уже тогда гарнизонами красной гвардии по большим городам прифронтовой полосы и центральной России.

По прибытии в Уральск, полки демобилизовались и распускались по домам, сдавая оружие в войсковые склады. Вместо них Войсковое Правительство, чувствуя неминуемое столкновение с красными, объявило формирование 2-х полков из молодых казаков постановок в казаки 15-ой, 16-ой и 17-ой и одной батареи, которые были названы учебными. Оба полка и батарея были расположены в г. Уральске. К этому же времени Войсковое Правительство уже вело переговоры с Саратовским совдепом, который настаивал на добровольном принятии Уральским Прав. сов. власти, пугая его, в противном случае, посылкой частей красной гвардии для насильственного введения таковой в пределах земель Уральского Войска.

С другой стороны, взяв Оренбург, красные со станицы Новосергиевка послали отряд для занятия большой станицы Уральского войска Илецкой, думая т. о. облегчить переговоры Саратову. Красный отряд, силою 400-500 штыков при 8 пулеметах и 1 эскадроне конницы, беспрепятственно занял станицу. Это случилось потому, что никаких гарнизонов по станицам и воинских частей еще не было, как и не было никаких враждебных действий со стороны красных.

Станица Илецкая отстоит от ближайшей железнодорожной станции в 70 верстах. Для того, чтобы попасть в ст. Илецкую, надо пройти через станицы Мустаевскую, мимо Студеневской. 9 марта красные вступили в мирную станицу, заняли центр ее, телеграф и сразу же наложжили на нее 1 милл. контрибуции, взяв в качестве заложников богатых казаков, иногородних и несколько казачьих офицеров. Казаки собрали ст. сход, требуя отпустить арестованных, снять контрибуцию и отказались принять сов. власть. Ответом на это была стрельба из пулемета по сходу, следствием которой был убитым один урядник. Казаки со схода разошлись. Красный отряд этим не успокоился, а как бы в ответ на заявления казаков начал производить реквизицию лошадей и седел у казаков и набор добровольцев из иногородних, вооружая их немедленно привезенными запасными винтовками. Добровольтцев в красный отряд было набрано до 800 человек, но среди них был только один казак (Сапогин).

Был избран совет и казачья власть считалась нелегальной. В ответ на это казаки собрались тайно, сговорились защищаться и написали красному командиру „ультиматум“, по которому требовали немедленного освобождения арестованных и ухода из станицы. Срок ультиматума истекал 13-го марта утром. В противном случае казаки грозили открытием военных действий против отряда. Между собою казаки

установили круговую поруку: „Всем до одного выйти в бой в назначенный час“.

Был избран особый комитет, который назвался комитетом обороны. В то же время казаки Илецкой станицы разослали по соседним станицам и хуторам воззвания и делегатов, прося о помощи против красногвардейцев. Все соседние станицы обещали, как один, быть под Илеком в назначенный срок.

Срок выполнения ультиматума приходил к концу, но ответа красные не давали. Тогда комитет, при помощи различных ухищрений (так как красные выставили посты вокруг станицы и никого из нее не выпускали), разослал приказания станицам, атаковать Илек извне к 12 часам 13 марта, а отдельным офицерам, местонахождение которых было известно комитету, возвратиться в станицу. Казаки же Илецкой станицы под командой офицеров и урядников тайно собирались группами, преимущественно вокруг постов, по окраинам станицы, вооруженные, кто чем попало.

Всего винтовок в станице было не больше ста штук. На одну из церквей был с вечера посажен наблюдатель, на обязанности которого лежало бить набат, извещающий о начале действий внутри станицы. Красные почувствовали „беду“ и начали вылавливать опасных им лиц. За полчаса до восстания ими был зверски убит сотник Юткин, Василий Сергеевич.

Казаки соседних станиц сдержали свое слово и к 12 часам повели наступление со стороны Мухрановской в направлении на мельницу Чельшева, где большевики сосредоточили две своих роты с пулеметами. Началась стрельба. Красные в станице поставили пулемет на Ильинскую церковь, обстреливая им лес и Урал, по которому уже пробрались казаки. В это время раздался набат и все красные посты по окраинам были сняты. Т. о. вся половина станицы со стороны р. Илека оказалась в руках казаков. Красные защищали только Чельшевскую мельницу, рошу „Островок“ и клуб.

Получив донесение, что внутри станицы восстание, красный командир отдал приказание ротам отступить в центр, а сам, задержавшись с остатками эскадрона, отошел на Оренбургскую дорогу. Роты, втянувшись в станицу, подверглись обстрелу из каждых ворот из винтовок и дробовиков, но все же в малом составе отошли к клубу, где и решили защищаться. Казаки студеневской и Мухрановской станицы шли за ними по пятам. В непродолжительный промежуток времени красные были загнаны в помещение клуба, из окон которого все же продолжали стрелять из винтовок. Наконец, казаки решили превозмочь и это препятствие: укрываясь за стены, с другой стороны обстреливая окна клуба, добрались до входов. Напором собственных плеч выломали дверь и ворвались во внутренние помещения...

Полуживыми от страха, но целыми и невредимыми выведены наши заложники.

Войсковое Правительство о случившемся было немедленно извещено.

Так кончился Илецкий бой и с этого момента военные действия против красных надо считать начавшимися.

А. Т. Жуков.

По старой московской дороге.

Наконец то официальные возглаватели Кубанско-го Войска решились открыто выявить свое настоящее лицо.

В июньском номере (108) „К. К.“, направленном исключительно против В. К., высказались с достаточной определенностью как сам генерал Науменко, так и начальник Кубанской канцелярии (Войсковой штаб) полковник Соламахин (последний сделал это посредством анонимной корреспонденции за подписью — Хуторянин).

Статья ген. Науменко, особенно в ее первой и главной своей части, явно рассчитана на доверчивость тех казаков, которые или совсем неосведомлены о сущности затронутых в ней вопросов, или осведомлены односторонне и пристрастно.

Ни серьезных положений, подтвержденных фактами, ни скольконибудь логически обоснованных суждений в этой статье нет. Но зато противоречий, перекорков и голословных утверждений более чем достаточно.

С первых же слов ген. Науменко старается путем подтасованных сравнений поставить вольных казаков на одну доску с большевиками, чтобы в дальнейшем тем самым легче воздействовать на воображение доверчивых читателей. Прием, как видите, — примитивный и недобросовестный, но... что поделаешь, когда нет других средств убеждения?

Генерал Науменко обвиняет вольных казаков во многих измышленных им самим преступлениях: в подрыве „авторитета лиц, поставленных волею казачества во главе его“... в превращении „станичных сборов и собраний казаков в митинги“, в „посылке агитаторов, распространении своей литературы и пр.“ и наконец даже в том, что они „своими действиями вносят в казачью среду тот развал, который погубил казачество с приходом большевиков“.

Так легко и просто г. Науменко сваливает вину, по старой поговорке, — с больной головы на здоровую.

Для вдумчивых читателей абсурдность подобных обвинений очевидна. Но, ведь, все это умышленно писалось, и не для вдумчивых, а именно для тех, как я уже сказал, которые по неосведомленности более всего доверчивы и могут положиться на „слово“ атаманское. В этом весь секрет и заключается.

Как вольный казак, я считаю своим долгом, хотя бы кратко, теперь же ответить генералу Науменко, а потому в дальнейшем и пишу в форме непосредственного обращения к нему.

Вопреки Вашему мнению, господин Атаман, я смело утверждаю, имея на то документы, что до последних Ваших „акций“ и выступлений против вольных казаков никто Вашего авторитета так не поддерживал и никто, к сожалению, так не ратовал за престиж Кубанского В. Атамана, как именно вольные казаки — кубанцы.

Мы полагаем что наш Войсковой Атаман всегда будет на высоте своего положения и не позволит увлечь себя партийностью; мы верили, что на своем высоком посту Кубанский Атаман, как и полагается народному избраннику, считаясь с волей большинства своих избирателей, будет справедлив и беспристрастен и тем более не станет проводить своей личной политики при помощи „административного“ вмешательства там, где это по казачьему обычаю совершенно не полагается.

Мы, кубанцы, гордились нашим Атаманом, а донцы, завидуя нам, говорили: „счастливые вы — у вас, хоть атаман, как атаман, а у нас...“

Ныне с горечью и со стыдом мы должны сознаться: грош цена нашей гордости.

Раньше против Вас выступали как раз не состоящие в рядах В. К. Мне приходилось неоднократно выступать в защиту Вас; то же делали и другие вольные казаки. Невольно хочется спросить: зачем, с какою целью Вы, господин Атаман, в своем офицозе возводите клевету на тех, которые более всего Вас же и поддерживали? Очевидно, Вы плохо разобрались в том,

кто из кубанцев являются вольными казаками. Прочтите тогда первые две стр. „К. К.“ № 97. Это, ведь, писал один из вольных казаков; просмотрите отчеты за время существования „К. К.“ и вы убедитесь, — что самыми аккуратными и точными исполнителями Ваших приказов и распоряжений были вольные казаки. Это их именами пестрят отчеты. Знаете ли Вы об этом? Многие из этих лиц занимали и занимают должности станичных атаманов. Общества станиц неизменно им доверяют и ничего от этого не потеряли.

В 1930 году Кубанская станица в Париже, зная, что я вольный казак, избрала меня своим атаманом, а вместе со мной избрала в правление еще двух вольных казаков. Работой этого правления, наполовину самостоятельного, станица осталась довольна и в 1932 г. при его уходе выразила благодарность. Да и Вы, Ваше Превосходительство, кажется не имели случая им огорчаться, что явствует из Ваших ко мне писем и из того, что назначили меня своим представителем во Франции по сбору денег в фонд освобождения Родины.

Как видно, казаки на местах рассуждают более здраво, чем в атаманском центре, и на вольных казаков, которых больше, чем Вы думаете и имена которых, повторяю, Вы, повидимому, хорошенько не знаете, — на них в казачьей среде не смотрят, как на врагов или предателей; вольные же казаки, будучи облечены властью и доверием обществ, в свою очередь в делах общественных умеют быть беспристрастными, всегда сообразуясь с волей всего общества, хотя бы это иногда шло в разрез с их личным убеждением. Этого требует простая справедливость, закрепленная старым казачьим обычаем.

Но, вот Вы г-н Атаман, этого основного принципа народоправства, о котором так часто с подчеркнутостью говорили и говорите, — этого принципа Вы еще не усвоили, а потому склонны следовать методом некоторых атаманов, вмешиваясь в общественные дела станиц (станция Смедеровская) тогда, когда это Вас меньше всего касается; Вы не считаетесь с мнением обществ, избирающих себе по своему желанию атаманов и правления, посылая генералов для насильственного устранения тех, кому казаки станицы выражают доверие на протяжении нескольких лет.

Ваше „народоправство“, г-н Атаман сильно смахивает на самоуправство, с чем казаки никогда не смогут примириться.

Не мы, вольные казаки, посылаем по станицам своих агитаторов, а сначала вы, г-н Атаман, командируете специальными эмиссарами, которые всяческими способами, вплоть до запугивания казаков разными репрессиями, принуждают станичные сборы выносить угодные Вам постановления.

В таких случаях вольным казакам, естественно, приходится защищать казачье право и достоинство, что они и делают с честью по собственной инициативе. Обратите внимание: наши агитаторы ездят по приглашениям самих станиц, Ваши — по Вашему распоряжению. Надоело уже повторять, что вольные казаки никогда и ни на кого, в том числе и на Войсковых Атаманов, первыми не нападали. Что же прикажете нам делать, если некоторые из В. Атаманов сами первые объявляют нас изменниками, большевиками и т. д.? Вот и в данном случае получилось то же самое. Вы сами объявляете нас своими врагами, и тем самым перестаете быть для нас Войсковым Атаманом. Ваш вызов мы принимаем и будем с Вами бороться так же энергично, как раньше Вас поддерживали.

Ваш аппетит к беззаконным действиям, после нескольких случаев, не встретивших со стороны казаков должного отпора, не в меру разыгрался. Не упасть бы только Вам, Ваше превосходительство: почва то под Вами довольно скользкая. У генерала Богоевского во всех отношениях куда солиднее был фундамент, а и тот от своего атаманства сохранил одно название: казаки в своей массе отошли от него, остались лишь упорные „дворяне“, да те, которые еще не успели хо-

рошенько разобраться в обстановке. Та же участь готовится для всякого Атамана, который станет служить чужим интересам, поставив интерес Казачества на задний план. Не войска присягают своим Атаманам на верность а наоборот, Атаманы дают присягу служить Войску верой и правдой и неукоснительно блюсти только войсковые интересы.

„Авторитета лиц, поставленных волею Казачества“ никто не в состоянии подорвать, кроме самих же „авторитетов“. Какой может быть разговор о подрыве доверия, если эти лица действительно соотносятся с волею казачества и держатся с надлежащим тактом, не давая оснований к тому или иному обвинению. Но когда „авторитеты“ начинают вместо воли казачества проявлять свою собственную волю, то каждый казак вправе говорить об этом, как на собраниях, так и в печати.

Что касается превращения казачьих собраний в митинги, то это сущая неправда. За последние годы я много посетил казачьих собраний, при том в разных городах и странах, не наблюдая ничего подобного. Но вот те собрания, куда Вы посылаете своих эмиссаров, действительно, судя по печати, носят митинговый характер, ибо на таких собраниях казаки лишены права открыто свободно и безбоязненно высказывать свои мнения. Приходится поневоле прибегать к выкрикам с мест, что чаще всего практикуется не состоящими в рядах вольных казаков, т. к. последние выступают при всяких обстоятельствах открыто.

Кто же, собственно, виноват в таком митинговом характере казачьих собраний? Во всяком случае не мы, вольные казаки, привыкшие выступать открыто и умеющие корректно выслушивать своих политических противников.

В распространении же казачьей литературы ничего нет преступного, там более большевистского; ведь, и Вы же этим делом занимаетесь, пропагандируя свои политические взгляды.

И если уж кому по „методам“ суждено стать на одну доску с большевиками, так это не нам в. к., а скорее всего вам, Ваше Превосходительство. Вспомните ка повешение Кулабухова и те последствия, которые этот гнусный акт имел в деле борьбы с большевиками; помните деморализацию и демобилизацию Вами Кубанской армии еще в то время, когда она находилась в полной силе и занимала правый берег р. Кубани.

Вот эти самые действия, выражаясь Вашими словами, несомненно и внесли „в казачью среду тот развал, который погубил казачество с приходом большевиков“.

По советским путям мы не ходили и не пойдем, предоставляя эту возможность, если то угодно, „русским“ казакам.

Далее, предостерегая казаков от „пагубности“ вольноказачьих идей, Вы не нашли ничего лучшего, как привести в качестве доказательства пресловутое письмо ген. Быкадорова, приписав последнему не принадлежащую ему честь и заслугу — основоположника В. К. Неужели у Вас не нашлось более серьезного и убедительного довода? Печально. С такими аргументами далеко не уедешь, но это дело Ваше.

Вы советуете казакам крепко подумать над этим письмом. А позвольте Вас спросить: Вы то сами, господин Атаман, подумали крепко над этим письмом? Судя по всему — нет, ибо, в противном случае, не решились бы, как честный человек, повторять казакам такую провокацию. Что позволительно „экспансивному“ Быкадорову, то не к лицу Кубанскому Войсковому Атаману.

Теперь несколько слов о „пушечном мясе“. Как образованный человек, Вы должны разбираться в таких вещах лучше других, тем более — Вы, наверное, читаете журнал „В. К.“ и безусловно знаете, что вольные казаки совсем далеки от мысли ставить своих братьев в положение „пушечного мяса“.

Наоборот, мы всеми силами стремимся к тому, чтобы вообще избежать крови и добиться осуществления прав Казачества прежде всего путем мирным. И эти „мирные“ условия не секрет ни для Вас, ни для наших противников. Государства создаются и процветают не только кровью и железом, но еще в большей

мере умом и политической прозорливостью его правителей. Примеры тому у всех перед глазами, стоит только внимательно осмотреться, да немного поразмыслить.

Если же нам будет суждено вести вооруженную борьбу, то это случится лишь тогда, когда мы вынуждены будем защищать только свои края родные, только свои права казачьи от посяательства на них со стороны. Никаких авантур или защиты казаками чужих интересов мы не допустим. Никаких обязательств, угрожающих благополучию Казачества, мы никому не давали и никогда их не дадим. Напрасно Вы на нас клеветаете. Этим средством цели не добьетесь: все равно, ведь, казаки узнают правду. Впрочем, это не должно Вас казаться смущать, т. к. для Вас важнее интерес российский, а само казачество важно постолько, поскольку это нужно или необходимо для России.

Наша цель — не уничтожить остатки Казачества, а сохранить их целиком для мирного строительства новой жизни на родной земле.

В этом отношении наши взгляды диаметрально противоположны Вашим. Тогда, как Вы зовете казаков именно в качестве пушечного мяса на борьбу за чужие интересы, снова пытаетесь вести их на Москву для спасения „матушки“ России, мы, вольные казаки, ни за какую чужую матушку воевать не собираемся; не намерены бороться также и против России (какая бы она ни была), если только она сама не будет посягать на казачество и не станет искать такой борьбы.

Наша цель — всеми доступными средствами добиться освобождения родных Краев и установить независимое казачье государство — Казакую. Воевать ни с кем мы не хотим, но и насильно над собой никому не позволим делать. А вот у Вас, господин Атаман, братоубийственная война уже предпринята. Вы пишете: „Нас вытеснили из пределов Родины большевики и они наш главный враг... Мы зовем Вас идти вместе с русским народом против большевиков“...

Уместно будет спросить Вас, Ваше Превосходительство: А к какой национальности принадлежат эти самые большевики, которые „нас вытеснили из пределов Родины?“ Кто они такие — негры, японцы, англичане? Неужели Вы станете отрицать тот факт, что это были русские и что сражались против нас только русские из Рязанской, Пензенской, Тверской и прочих губерний?

Возможно, что Вам и удастся „убедить“ некоторых казаков в обратном и даже может быть на сей счет какая либо станица вынесет особый приговор, но все казаки, сражавшиеся на полях Дона, Кубани, Таврии, под Воронежем, Царицыном и т. д., в один голос всегда Вам скажут вразумительно и твердо: — „да, воевали против нас русские, хотя они и назывались большевиками. Это они самые и теперь бесчинствуют в наших Краях, распоряжаясь нашим добром на правах победителей“.

Да, госп. Атаман, если бы жив был русский историк С. Соловьев, он бы снова, как и при булавинском восстании, записал в российскую историю: „Женщины и дети достались победителям“.

Итак большевики, с которыми мы боролись, по национальности — русские люди. Это они нас выгнали с Родины. Отрицать сей очевидный факт по меньшей мере было бы смешно. Но как же тогда, г. Атаман, понять Ваше дальнейшее выражение: „Мы зовем Вас идти вместе с русским народом против большевиков“... Как это понять, если сами большевики тоже русские люди? Значит, будет самая настоящая, как Вы выражаетесь, „братоубийственная борьба“ русских с русскими. А Вы же говорите, что это вольные казаки призывают к братоубийственной борьбе и предостерегаете кубанцев от таковой.

Обвиняя нас неосновательно, Вы в то же время сами призываете казаков принять участие в братоубийственной борьбе, да еще в чужой — в борьбе русских с русскими. Для чего же это нужно казакам? Очевидно, у того „русского народа“, с которым Вы собираетесь идти против русских же, т. е. большевиков, — не хватает пушечного мяса и поэтому Вы хотите на эту роль заранее завербовать казаков.

Запутались вы, господа, в своей „идеологии“ и сами себя теперь не понимаете: куда вы идете, против кого и зачем. Сами себе отчета не даете, но стараетесь снова увлечь казаков на новые страдания и окончательную гибель.

Вы зовете нас спасать ту Россию, которая считает Казачество ненужным „пережитком“ старины, подлежащим „упразднению“. Мы же зовем казаков спасать прежде всего Казачество. Кто из нас прав — пусть судят сами казаки.

Те же, которые забывав про Казачество, идут спасать чужое, перестают быть казаками: они, так сказать, заранее сами себя упраздняют.

Нет, попасть вновь на роль козла отпущения в чужих делах у казаков более охоты не имеется, а уж принимать участие в борьбе русских с русскими — и подавно. Довольно уже и так „попробовали“ и убедились, что и они русские нас вешали и другие русские расстреливают непрестанно.

Да хранит Господь Казачество от новых испытаний и напрасной крови!

Настало время, когда все кубанцы должны серьезно подумать над тем — куда их намерены вести те, кому они в свое время доверили свою судьбу. Вольные же казаки — кубанцы пусть исправят свою прежнюю ошибку и не будут столь доверчивы, как прежде, к тем, которые такого доверия не заслуживают. Надо помнить, что „сколько обрусевшего волка не корми, — он все равно убежит в российский лес“.

Оканчивая первую часть своей статьи, ген. Науменко восклицает: „Помните, что мы — казаки русские люди и с врагами нашего Отечества нам не по пути“.

А мне хочется также громко крикнуть казакам: Помните, что мы прежде всего казаки и с врагами Казачества нам не по пути!

Словами же ген. Науменка пока и кончу:

„Помня историю Казачества и опыт недавнего прошлого, будьте, казаки, осторожны и мудры!“

(Окончание следует).

Кость Курило (Польша).

Відповідь

на статью редакції жур. „В. К.“ під заголовком „до Українців“ в № 105 від 25 травня 1932 року.

Зрозуміла річ, що найцікавіше і найдоцільніше було б почути відповідь в такій чисто політичній справі в першу чергу з кол еміграційного уряду Укр. Нар. Республіки; по-друге, від провідників, чи від президії українських політичних партій; властиво від тих, що „творять політику“... Але поки цього дочекаємось, не зайвим, гадаю, буде почути і голос звичайного рядового громадянина, що хоч і не належить ні до якої партії, але на життєвому шляху стикається з різними людьми і подіями, набирається досвіду, а тому і має свої погляди на ріжні справи, хоч би й державного значіння. А таких людей є більшість в загальній масі громадян держави і своїм ніби то пасивним відношенням до політичних справ, на самім ділі сталим, упертим переконанням впливають в бажанному напрямку на тих, які творять політику.

Отже, цей життєвий досвід переконав мене, що найбільш в незгоді живуть якраз найближчі сусіди. Хто з ким посварився? — Сусід з сусідом, бо курка чи гуска одного повигрібала чи повидерала капустяну росаду в огороді другого. Хто кому голову провалив? — Сусід сусідові, бо посварились за межу...

Між державами чи між народами найбільш в незгоді живуть часто теж сусіди. Одній державі не подобається, що в сусідній державі чути гуркіт в шахтах камінного вугля і це дENERVUE її; другій — не подобається, що в сусідній державі „під боком“ як раз смердюча нафта, що „отрує“ їй ціле нутро і вона хоче загарбати її собі, бо, відомо, своє — не так і смердить...

Одним словом, між сусідами чи то держави з державою, чи господаря з господарем, притякою незгоди служать за поконвіку економічні питання...

У всіх програмах „передових“ партій: демократичних, революційних, соціалістичних та інших, напевно не помилуюсь, коли скажу, що питання про відношення партій до національностей трактується найліберальніше: повне самовизначення — „вплоть до отделенія“. А як же? иначе і бути не може! — Але, то на папері; на діл ж щось иншого!...

Отже і ми, українці, визнаємо право усім націям на самостійність. І вам, брати козаки, його визнаємо, особливо оренбургцям, яйцьким і иншим, але кубанцям і донцям, — то вже гірша справа. Правду сказати, народу вашого нам не потрібно, нас самих уже за сорок мільйонів переважило; навіть більшовики ніяк не винищать, але шкода нам позбутись пшенички „кубанки“, а коли згадаю про Донецький район, що частина з нього буде ваша, а не ввесь він буде наш, що там загуркотять в шахті і козацька кирка, то в мій український голові неначе молотками застукотить. Ех, нащо ви есте нашими сусідами?... як би ви були трохи далі,

то ми б з вами в згоді б жили і на москаля разом стали, а так — невідомо, що ще буде...

Вибачте, дороге козацтво, за мої отверті думки, але я гадаю, що вони вам не пошкодять, — це думки нікому невідомої маленької сірої людини, але запевняю вас, що відносно Кубані і Донецького району ту ж думку почуєте і від сильних мира українського, тільки аргументація буде инша — делікатніша. Там буде і історична ссилка, що кубанці, мовляв, це ті ж українці — нащадки запорожців, що вони сами (кубанці) прагнуть бути під Україною, що сепаратизм кубанців — це вигадка купки інтелігенції; що вистарчи послати одну дивізію і вся Кубань пригорнеться до України. Донецького району теж неможна зрестися з економічних мотивів, та й нарід (українській) того не полусте. Нарід, нарід... Завжди там, де нема логіки, зсилаються на нарід!... В імені блага „свого“ народу завжди провадились війни, а нарід в дійсности ніколи не бажає жадної війни.

Пригадуються мені слова одного селянина з Полтавщини, що на початку світової війни в 1914 році сказав: „маю три десятини поля, але коли можна було б оминути війну, віддав би і землю і коня, а сам пішов би в найми, бо всяка війна, то згуба для народа“. Не зрозумів я тоді його, бо війна йому нічим безпосередньо не загрожувала: синів не мав і сам був уже в літах. І смішно здавалась мені тоді його жертва — три десятини з конем. Переживши війну і приглядаючись далі до життя, я його тепер розумію. Шкода, що розпочинаючи війну в ім'я благодійства народу, про згоду того народу не питають.

От же, козаки, невідомо, що ще з нами буде, тільки ражу вам одно: поставивши до нас, українців, питання, мусити добитись ясної відповіді. Коли така не з'явиться в пресі, то мусити українських політичних діячів запросити на свій вільно-козацький зїзд і по душі з ними побалакати.

До своїх же земляків українців з приводу поставленого редакцією журала „В. К.“ до нас питання звертаюся з такими словами: „бдіте убо!“ Усіх, для кого слово згода не єсть пустим згуком, а війна не єсть благодійством для народу, закликаю своїм словом, ділом і помислом — спріяти порозумінню наших верхів з проводом вільнокозацького руху. У всякій війні, помимо що треба знати своїх союзників, неутральних сусідів, треба мати забезпечене запілля. В найближчій війні з Московщиною найбільш буде zagrożене наше крило, що впріється в козацькі землі, а приймаючи під увагу військовий хист козаків, не може бути для нас байдужим: по чієму боці вони будуть, чи будуть вони нашими союзниками, чи, боронь Боже, ворогами. Найвищий час, щоб наші представники державного про-

воду засіли за „круглий стіл“ з представниками Вільного Козацтва і ще тут, на еміграції, вирішили або принаймні намітили той шлях, по якому мусять піти далші наші взаємовідносини.

Питання порозуміння виника з життьових інтересів, з обопільних вигод українців і козаків. З боку останніх, як то видно з журналу „В. К.“, є добра воля до

такого порозуміння і ми, українці, щоб обминути надалі систему „багатьох фронтів“, повинні не залишити в повітрі протягнуту нам руку, а і з свого боку виявити такий самий волю і охоту, навіть, при певних можливостях, піти на компроміси, аби в потрібну хвилину було на цю руку спертися, а не з нею мірятися. Того вимага від нас історична хвиля.

Думы и мысли.

Ответ Войсковому Старшине Измайлову.

В жун. „Кавк. Каз. № 5 (107) за май с. г. на 22 странице я встретил „Письмо в редакцию“. Автор этого письма, Войсковой Старшина Измайлов, как видно, касается в нем и редакции „В. К.“ хотя он не говорит в письме о редакции, но упоминает корреспондента, а поэтому придется считать, что речь идет о редакции „В. К.“, иначе понятие его нельзя, да и вообще у еднонеделимцев ясного ничего не бывает, все в дрему и в думу.

Он, Измайлов, касаясь одной статьи, напечатанной в журн. „В. К.“ № 86, упрекает редакцию „В. К.“ за то, что она через своего корреспондента „начинает усиленно доказывать, что Атаманов стоит 10 Мельниковых. И как точно определяет: десять. Ни больше, ни меньше. Для меня не понятно, при чем здесь редакция „В. К.“ или вообще Вольное Казачество, когда за статью отвечает автор ее. Не понятны обвинения автора письма и потому, что „В. К.“ „не выяснило недоразумение с станицей“: „Вольное Казачество в № 86—87, вместо того, чтобы выяснит недоразумение с станицей г. Атаманова и принять меры“... Мне кажется, что прежде чем обращаться к здравомыслящему казачеству, „чтобы здравомыслящее казачество познакомились с деятельностью г. Атаманова“, надо знать ту элементарную истину, что каждая редакция вообще, тем более редакция „В. К.“ не судебный следователь и не наказный атаман, чтобы разбирать дела станичного общества. В станице есть станичное общество, оно и разберется в своих станичных делах. Только при наказных атаманах вмешивались в станичные общественные дела и наказывали станицам.

Там, где Войсковой Старшина Измайлов „язвит“ меня, как автора статьи, в которой я писал о Н. Мельникове, базирясь на документальных данных и, в частности, коснувшись одной из хороших сторон казака Атаманова, то я писал так: „Если бы даже у Атаманова не было никакой станицы, даже ни одного казака, то и тогда голос сотника Атаманова может иметь гораздо больше морального весу, чем десять голосов Мельниковых“. (См. „В. К.“ № 86—87 стр. 13). Каждому казаку, кто может прочитать, будет понятно. „Упражнениям“ со стороны г. Измайлова не место: „10 Мельниковых. И как точно определяет“.

Такие мои утверждения исходили на основании прошлой его работы, как из процесса борьбы оформившейся в определенную форму и процесс борьбы казака Атаманова мною указан в статье в четырех пунктах, а именно: „1. сотник Константин Атаманов — германской войны георгиевский кавалер всех четырех степеней; 2. за боевые отличия произведен в чин сотника; 3. станицей Еланской с 45-ю хуторами, как лучший из казаков, выбран в атаманы станицы; 4. в период восстания Верхне-Донцов первый поднял восстание в станице Еланской и, как незаурядный казак, был отмечен Командующим Донской Армией“... Не будем касаться настоящей работы многих из казаков, ибо настоящее — дело будущего и оно находится в стадии процесса борьбы и брожения, что отрадно для В. К. потому, что оно сдвинуло казачью массу с мертвой для Казачества точки.

Не предсказывая будущего, мне кажется, надо следить за элементами брожения, не читая статьи между строк, а поэтому я и писал, что „голос сотника Атаманова может иметь“...

Это еще далеко от всего положительного того или

иного казака, тем не менее разницу в образовании и воспитании между казаками, прошедшими коридор приходской школы, и теми, кто получил известный образовательный ценз и соответствующее воспитание, мы должны не только замечать, но и знать.

Разница между Н. Мельниковым и простым казаком весьма существенная; к тому же у простого казака в прошлом четыре положительных качества, а Мельников политический и моральный банкрот.

Я не стал бы отвечать на письмо г. Измайлова, если бы он не задал мне вопроса „и как теперь будет защищать г. Атаманова корреспондент „Вольного Казачества“?

После того, как г. Измайлов в своем письме подчеркнул политические недостатки казака, что он „побывал в 3-х различных организациях“ и после заданного корреспонденту вопроса он, Измайлов, не решился дать свой радикальный рецепт линии политического поведения, т. е. не поставил ясной цели и не указал на ясный исход борьбы для казаков во имя Казачества.

Обвинив за казака „В. К.“, он „скрылся за неопределенную, в политическом отношении, ширму и оттуда пишет: „Входить в дальнейшую полемику с журналом, который всю энергию тратит на борьбу с Донским Правительством, Войсковыми Атаманами и Рус. Общевоинским Союзом, я считаю излишним“.

Каждый из казаков, прочитавший письмо г. Измайлова, может задать себе вопрос: что же хочет себе сам Войсковой Старшина Измайлов и чего он хочет Казачеству?

Нам, вольным казакам, вся беспутная мишура еднонеделимцев понятна, как понятен ген. Богаевский и ген. Науменко, но для нас непонятны обвинения автора письма, что Вольное Казачество тратит энергию на борьбу с Дон. П-вом, с Войсковыми Атаманами и Об.-В. Союзом. С последним В. К. ничего общего не имеет, ибо границы граней и полюса противоположны; если иногда „В. К.“ писало, то постольку, поскольку связывали себя высшие казачьи руководители и предавали казачьи интересы. В свое время борьбу с Общевоинским Союзом вели и тратили энергию, от имени Обединенного Совета Дона, Кубани и Терка ген. Богаевский и Н. Мельников и еще в 1825 г., вообще тогда, когда „В. К.“ не существовало. „В. К.“ лишь подчеркивает о неуместных связях каз. высших руководителей с Об.-В. Союзом и об этом казакам напоминало, а поэтому обвинения г. Измайловым „В. К.“ ошибочны и как в опровержение и доказательство этому и в доказательство того, что воль. казаки не занимаются подтасовкой представлю: 1. копии статей относительно сорьбы Дон. Ат. Богаевского и Пред. Дон. Пр-ва Н. М. Мельникова, 2. выдержки из статей, свидетельствующие о последующей связи ген. Богаевского и Н. Мельникова с Об. В. Союзом.

1. Копия статьи Дон. Ат. ген. Богаевского: „Поговорим лучше о другом, более нам близком. Со всех сторон ко мне поступают запросы о том, что представляет из себя Обще-Воинский Союз, каковы его задачи и цели, каково отношение этого Союза к Войсковым Атаманам и их — к Союзу и какой линии держаться казакам вообще в этом вопросе. Из этих запросов я вижу, что казаков очень смущают заявления руководителей Об.-Воинского Союза о „непризнании ими Обединенного Совета Дона, Кубани и Терка, членами которого состоят лично В. Атаманы и их ближайшие помощники; казаки, кроме того, спрашивают, кем именно

назначены начальники Донской и Кубанской казачьих групп во Франции, а также старшие подгрупп на местах: В. Атаманами (ибо назначаются казаки над казаками) или кем-либо другим и если не Атаманами, то по соглашению ли с ними? Некоторые офицеры и казаки усматривают в этом деле новую попытку — уже неоднократно имевшую место в разных видах в разных странах — говорить с казаками „через головы“ выборных Атаманов, минуя их: видя новое покушение оторвать казаков от их выборной власти. Все эти вопросы, конечно, очень важны с точки зрения общеказачьих интересов и требуют обсуждения и решения всех трех Атаманов и Об'ед. Совета Д. К. и Т., на обсуждение которых они мною вносятся. Решение несколько замедлится, так как В. Атаманы находятся в разных странах. Пока же сообщаю, что основы организации Об.-Воин. Союза, его задачи и цели мне неизвестны, так как организаторы Союза, привлекая в Союз казаков, не считали, очевидно, нужным даже прислать мне и другим Атаманам устав Об.-Воин. Союза. Назначения начальников Донской и Кубанской групп произведены не мною и не Кубанским Атаманом и даже вне всякого соглашения с нами. И таким же порядком, без соглашения с нами, назначены и старшие подгрупп. Из содержания одного циркулярного сообщения (не устава) на имя председателя отделов Об.-Воин. Союза, присланного мне в ответ на мой запрос, усматривается, что организаторы Союза считают, что бытовыми казачьими организациями, имеющими свою особую иерархию“ (т. е. непосредственную связь с В. Атаманами) являются лишь те станицы, которые не входят в Об.-Воин. Союз, те же казачьи станицы и группы, которые входят в Союз, тем самым выходят из разряда „бытовых казачьих организаций“, „имеющих свою особую иерархию“ и переходят от Атаманов в подчинение ген. Врангеля „через Пред-лей соответствующих отд. Р. О. В. С.“. Следовательно, казаки должны совершенно ясно отдавать себе отчет в том, что вступление казачьих станиц и групп, при таких условиях, в состав Об.-Воин. Союза равносильно потере ими своего характера „бытовых казачьих организаций“ и отрыву их от выборных В. Атаманов. Помимо этого, в таких станицах создается двоевластие: выборный станичный атаман и назначенный „председателем отдела“ — „старший“. Напоминаю казакам, что соглашением В. Атаманов с главнокомандующим — последнему были подчинены, в целях успеха вооруженной борьбы с большевиками и лишь на время этой вооруженной борьбы, лишь воинские части, но не беженцы и не казачья масса вообще. Казачество и Атаманы никогда не отказывались от особенностей своего быта и правами своими не поступались и не поступят. Тем более неуместно отказываться от своих прав теперь, на чужбине, когда никакой борьбы нет и есть лишь одни разговоры.

Меня запрашивают также, не в связи ли с этим находится агитация генералов и полковников, выпустивших в январе 1925 г. обращение к казакам (ген. Сызов, ген. Черячукин, ген. Тарарин, ген. Секретев, ген. Алпатов, ген. Каргальский, полк. Жиров, полк. Карташев,*) кубанец, и подес. Агафонов), в котором они призывают казаков вынести постановление — просить Вел. Кн. Ник. Ник. назначить ген. Краснова „на такую же роль, как в армии Главнокомандующий“. Находится ли эта пропаганда в связи с вышеуказанным и должно ли это завершить отрыв казаков от выборных В. Атаманов — пока не знаю, но должен теперь же отметить, что указанный выше призыв в 10 лиц равносильен призыву казаков к нарушению казачьих конституций, в частности — к нарушению основных законов В. В. Д., принятых Большим Войск. Кругом 15 сент. 1918 г. в атаманство Краснова. Основные законы В. В. Д., как и других казачьих Войск, определены и ясно указывают, кто именно в казачьей среде играет ту же роль, „как в армии Главнокомандующий“, а именно — ст. 36

*) Называет себя командиром „Донского сводного полка“, о существовании которого ни мне, ни Командиру Донского Корпуса неизвестно. С таким названием существует группа донцов, но не во Франции, а в Венгрии, прибывшая из Галлиполи.

осн. зак. В. В. Д. говорит: „Атаман есть Верховный Вождь Донской Армии и Флота. Донскому Атаману принадлежит верховное начальство над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Донского Войска“. Тот же закон и в Кубанском и Терском Войске. Я совершенно спокойно отношусь к этой пропаганде в духе 1917 года, ибо знаю, что казаки не пойдут на измену основным законам своего Войска. Имена же агитаторов полезно — для будущего и для казачьей истории — отметить, что мною и делается. Участвует ли в этом „деле“ сам ген. Краснов? Ответ на этот вопрос дает он сам в своем письме ко мне от 21 янв. с. г. № 73 в таких словах: „Нового Времени“*) я не читаю, а потому об обращении инициативной группы к казакам по вопросу об избрании меня „на роль ген. Врангеля в казачестве“ узнал только из твоего письма... Будучи всецело занят литературным трудом, — я далек от всех этих инициативных групп и избраний“. Глубоко сожалею, казаки, о том, что подобные призывы к вам, даже без ведома ген. Краснова, — только бесполезно сбивают вас с толку“ (Осн.: См. Информационный Лискос Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека от 1925 г. № 11, стр. 6, 7 и 8.).

Так писал казакам в 1925 г. Дон. Ат. Ген. Богаевский об Об.-В. Союзе. Теперь разберемся в том, что ген. Богаевский писал в 1930 г. о том же Об.-В. Союзе. Представляю вторую копию статьи ген. Богаевского: В последнее время я не раз получал от казаков с разных концов земли с просьбой сообщить им о моем отношении к Обще-Воинскому Союзу. Мне не трудно ответить на этот вопрос. Я с искренним уважением и полным доброжелательством отношусь к этой русской организации, члены которой не на словах, а на деле, с оружием в руках, защищали Россию и, не задумываясь, и теперь готовы положить свою жизнь за нее. С таким же уважением я отношусь и к вожделителю О. В. Союза ген. Миллеру, которого лично давно знаю. В настоящее время наши взаимоотношения приняты спокойный, доброжелательный характер. Обще-Воинский Союз и Казачество — союзники в будущей борьбе за общую Родину. Кадров казачьих воинских частей входят в О. В. Союз, не выходя из подчинения своим Войсковым Атаманам. По всем спорным вопросам, если бы такие возникли, мы сумеем найти общий язык, имея одну и ту же великую цель — освобождение общей Родины. Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека также считает необходимым поддерживать добрые отношения с О. В. Союзом, веря в искреннее желание того же и с его стороны“ (Осн.: См. „Р. К.“ № 8 от 1930 г. стр. 4).

Разобравшись в противоречащих писаниях ген. Богаевского, обратимся за разъяснением и пояснением Н. Мельникова относительно Об.-В. Союза, а потому представляю копию статьи Н. М. Мельникова от 1825 г.: „Теперь об Обще-Воинском Союзе. Перед моими глазами лежит письмо Донского Атамана от 15 февраля и Сводка Казачьего Союза: в них есть места, посвященные Воинскому Союзу, есть и ответы входить ли казакам в этот Союз, а потому повторяться не буду. Я хочу только обратить ваше внимание, читатель, на одну любопытную черту. Вы помните, как в то время, когда мы еще были дома и мирно, еще до войны, сидели в своих станицах, как тогда и старые и малые боялись, что область переименуют в губернию, казаков делают „мужиками“, превратят в солдат, обратят в „регулярство“? Вы помните, как тогда не хотели этого казаки, как они волновались при одном пустом слухе об этом, как дорожили особенностями своего быта? Помните, как было неприятно, когда в станице правил не выборный, а назначенный станичный атаман (кое где такие случаи иногда бывали)? Теперь всмотритесь в организацию Обще-Воинского Союза в той части, которая касается казаков (для не-казаков этот Союз может быть и очень полезная и даже необходимая организация — это другой вопрос): станица или группа, входя в Обще-Воинский Союз, перестает быть бытовой казачьей организацией, „имеющей свою особую иерархию“ („особую“ —

**) Воззвание напечатано в „Новом Времени“.

значит казачью), из ведения Войсковых Атаманов она переходит в подчинение ген. Врангеля, и казаки, отрываясь от Атамана, идут под начало других, входящие в Обще-Войнский Союз казаки смешиваются с обще-войнской массой, растворяются в ней, „наравне“ с ней подчиняются и т. д. Одним словом, самое настоящее „регулярство“, потеря казачьего лица и всех бытовых казачьих особенностей. Рассказывание самое настоящее — если не по цели, то по результатам. Сопровождается оно и самым полным упразднением столь привычного для казаков выборного начала, назначаются не только начальники Донской и Кубанской групп („Атаманы отделов“? Окружные?), но и „старшие“ на местах: выборный станичный атаман заменяется назначенным „старшим“, стан. атаманом „наказным“ — то, что раньше было исключением, в наказание, делается правилом. А догадливые люди — свои же казаки — стараются завершить „стройное“ здание: предлагают казакам просить Вел. Кн. Н. Н., чтобы он назначил и самого старшего — „на ту же роль, как в армии Главком“, на ту же роль „в казачьей среде“ — масштаб, как видите, „планетарный“: жаждают Наказного Атамана всех казачьих Войск. Начали просто с поддержки (или у него искали поддержки) быв. Наказного Атамана, а кончили отрицанием на практике выборного начала и назначением всех казачьих старшин — „снизу доверху и сверху до низу“. Рубить, так уж рубить... Назначенный станичный („старший“), назначенный окружной („начальник группы“), назначенный Наказный и, наконец, назначенный Атаман („казачий Главком“) всех Казачьих Войск. Красота!! Какая стройность и последовательность до самого конца! Но где тут казак? Что осталось от него, бедного, от его быта, его особенностей, всего его славного исторического прошлого? Где же его выборное начало? И все это под флагом... общественности... Я могу понять, что такой опыт растворения казаков в обще-войнской массе и заблаговременной прививки им привычки жить без своих выборных кому-нибудь может быть интересен и важен для будущего, но... при чем тут сам казак? И как он, не находясь в войсковой части, может при таких условиях идти в Обще-Войнский Союз? Как могут звать его туда? Даже во времена давно прошедшие, до войны и революции, казаки, возвращаясь из действительной службы, выйдя фактически из состава армии, хотя и числясь на учете, будучи во второй и третьей очереди (не говоря уже о выходе в запас, а тем более в отставку), даже тогда, будучи во второй очереди, казаки переходили в ведение своей „особой“ иерархии, поступали в ведение атамана, участвовали в выборах станичного атамана, и никто со стороны без ведома Наказного Атамана в их жизнь не вмешивался. Что же теперь, казаки, фактически вышедшие из армии, имеют меньше прав, чем казаки второй очереди и в былые времена, не говоря уже о том времени, когда Войсковой Атаман в силу основ. законов Войска стал „Верховным Вождем (казачьей) Армии“? Кто их лишил этих прав и кто может лишить? Войсковые части подчинялись единому командованию в интересах борьбы с большевиками — и никто не может использовать казаков в интересах игры политической. Перед казаками открылись две дороги: Союз Казачий, ставящий своей целью сохранить казака и казачество, его силу и значение его особое лицо и особенности его быта, все традиции седой казачьей старины, его славу и вольности, и Союз Обще-Войнский, растворяющий казака в обще-войнской неказачьей массе, не считающийся с его особенностями, разрывающий непосредственную связь казака с его Войсковыми Атаманами и со всеми преданиями вольного казачества, даже с практикой казачества служилого. Можно ли сомневаться, какую дорогу выберет для себя все казачество в целом и каждый казак в отдельности? Рвут казачество на части: прочтите слова Кубанского Атамана, познакомьтесь, что делается у казаков на Дальнем Востоке, вспомните, что творится у донцов (58, 10) прибавьте попытки назначить „докладчика“ в Кобурге, „казачьего Главкома“

в Париже и „старшин“ повсюду, оглянитесь на родину — и ясна вам станет вся картина... Ничего... И не это еще было... Выдержим? Выдержим! Надо только каждому быть всегда на-чеку и помнить ответственность каждого перед всем казачеством, перед обще-казачьим нашим делом. Помните: за все время скитаний не было еще ни одного разногласия между Войсковыми Атаманами Донским, Кубанским и Терским и все вопросы всегда разрешались и разрешаются ими единогласно, единодушно. Н. Мельников“ (См. Информ. Листок Общ. единенного Совета Дона, Кубани и Терека от 1925 г. за № 11, стр. 17, 18 19).

Это одна статья Н. Мельникова. Теперь представляю вторую его же и пояснение.

Выдержка из статьи Мельникова: „Донской Атаман, обращая внимания на агитацию в духе 1917 года и имея в виду лишь тех, кто искренно волновался, успокоил их, сообщив, что никто на достоинство казачье покушаться и не собирается, что, в частности, глава Обще-Войского Союза — человек высоко-культурный и хорошо знающий значение Казачества, высоко оценивающий заслуги Казачества и возможную роль казаков в будущем, что с ген. Е. К. Миллером у Атамана самые лучшие отношения“ (См. „Р. К.“ № 8-9 от 1931 г., стр. 29“).

— Я не буду в данное время расшифровывать статьи ген. Богаевского и Мельникова, ибо моя задача, на основании данных, представить их Войсковому Старшине Измайлову, как защитнику последних. После этого, мне кажется, должно бы быть понятно Войск. Стар. Измайлову то, что уже выше сказано, что Вольное Казачество: не ведет борьбу с Дон. Пр.-вом и Войсковыми Атаманами, как таковыми, что надо знать и безусловно понимать; не ведет борьбу с быв. казачьим командным составом, за исключением отдельных лиц, ибо все горе — горюют; никого насилком в свои ряды не приглашает, а обращается к казачьей массе со словом напоминанием: „Судьба Казачества в Его собственных руках“, Вольное Казачество говорит казакам о провокационной работе и о безпутстве главных их казачьих руководителей, стоящих у руля Казачьего Корабля, которые, ради личной дружбы, предавали и предают интересы Казачества Деникиным, Врангелям и Миллерам, как бы не видят разницы между своими Основными Законами и Обще-Войским Союзом. Видя предательство, нам, вольным казакам, не нужны личности как ген. Богаевский и Н. Мельников, нам нужна самоценность Казачества, его История, а не зубоскалы справа и слева, которых, в свое время, Н. М. Мельников называл большевиками справа и большевиками слева, а поэтому отвечаю им словами Н. М. Мельникова, в том числе и Н. Мельникову:

Его, Мельникова, слова: „Зарубежные казаки еще раз громко и организованно заявили, что они попрежнему ценят традиции Вольного Казачества, одинаково понимают и оберегают казачьи вольности, хотят остаться казаками, сохранить и восстановить свободное казачество на родной земле в его прежней силе. Этот единодушный отклик казаков со всех концов света показывает нам и всем нашим друзьям и недругам, что Казачество живо, что есть у него „порох в пороховницах“, что Казачество еще своего последнего слова не сказало... Оно хочет жить — и будет жить, не взирая на все усилия большевиков слева и большевиков (по духу и приемам) справа вырыть свободному Казачеству могилу: не уничтожат его первые, хотя пытались они упразднить и самое имя казачье, не вынут из него душу живую и вторые, стремящиеся оставить казаку одно лишь имя и галуны и ненавидящие его законодательный Круг и Раду, его выборное начало, его вольности. Казачество показало и доказало, что оно понимает и ценит свои вольности, оно их сохранит и отстоит, несмотря на все попытки врагов разединить казаков и ослабить их; оно справится и изживет даже измену своих“. (См. Сводку № 2 от 1926 г. стр. 2).

Казак В. В. Д. И. Скобелин.

„Осведомителям“.

Господин М. К. Соламахин, редактор информации „Кавказский Казак“, получив от правления Студенческой станции опровержение на статью: „Кубанский Атаман в Белграде“ из-за пункта, в котором указывалось на его роль в движении ВК, это опровержение не напечатал, а отправил к ген. Сутулову и просил его быть посредником между атаманом П. Поляковым и им, и повлиять на атамана в смысле изменения этого пункта.

П. С. Поляков, снисходя к такой просьбе, из опровержения этот пункт из'ял, но, как теперь оказывается (см. „К. К.“ № 6, статья „На сборе Смердереvской казачьей Станицы“) все вышеуказанное было сделано для того, чтобы получить „отсрочку“ и тем самым полк. Соламахину подготовить аудиторию для оправдания своих поступков.

В журнале „Кав. Казак“ напечатано следующее:

— Мне, как Войсковому писарю, приходилось и сейчас приходится отвечать на письма Кубанцев, расбросанных по всему свету, собирать сведения о жизни Кубанцев, где бы они ни были, и представлять сводку сведений В. Атаману. Поэтому я не мог пройти мимо нарождавшегося в 1927 году Вольного Казачества с центром в Праге. Естественно, что у меня завязалась переписка с вольными казаками и я довольно подробно знал, что там происходит. О своей переписке я осведомлял В. Атамана, рассматривая В. К. не как самоцель, а как средство в борьбе с большевиками. В связи с этой перепиской мне приходилось переживать иногда неприятности от лиц, ярко враждебных Вольноказачьим идеям“.

К сожалению, смерть унесла в могилу ген. С. М. Топоркова, который, при своей прямоте, мог бы это лучше расшифровать, но, да будет нам и этих строк достаточно, чтобы судить, на каких ролях был с нами полк. М. К. Соламахин.

Роль эта была — роль „осведомителя“; он, оказывается, занимался тем, что казаков, идущих за идеей казачьей государственности, обманывал и считал лишь „средством“ в своей работе...

И не правы ли вольные казаки, разогнав всех тех ворон, которые слетелись в первое время.

Вот и оказалось, что все, кто хотели „играть роль“ или „руководителей“ (Быкадоров) или „осведомителей“ (Соламахин) или еще кого-либо, теперь сами расшифровываются. Расшифруются и те, кто набивал себе карманы и был „наемником и продажным иностранным агентом“, а вольные казаки националисты останутся в движении, так как вне движения нет жизни казаку, нет ему той свободной трибуны, которая необходима для отстаивания своих прав и своей казачьей жизни...

Тот казак, который имеет уши и глаза, и здравый казачий разум, — тот казак может спокойно сказать, где, в каком движении бьется природное казачье сердце, где все казачье — ценят, а не смотрят на казаков, как на средство для достижения своих целей.

Большевики мы победим и сами, и победим их для того, чтобы снова завладеть своими землями, но тот, кто имеет с ними иные счеты — пусть борется сам. Для восстановления чужих прав и привилегий — мы сражаться не будем.

Каждому ясно и понятно! Первая наша задача — вышвырнуть Российскую Коммунистическую власть за пределы Казакии, вторая — построить Казачье Государство.

Разве мог полк. Соламахин заблудиться между этих двух ясных, как солнце, истин? Если он не был согласен со вторым пунктом — зачем он руководил вольными казаками в Югославии, ходил на собрания закрытого характера и т. д.? Роль его оказалась ролью „осведомителя“, ролью шпиончика...

Роль вполне пригодная для Войскового Писаря, как он себя величает, а также: Начальника Походного Штаба.

Уяснив все вышеизложенное, обращаюсь ко всем вольным казакам:

Посмотрите еще раз на себя, станичники. Если Казачество для Вас выше всего, если Вы готовы защи-

щать свою Казачью Свободу до последней капли крови и согласны с малейшим пунктом намеченной Вольным Казачеством программы, — только тогда, только при таких условиях говорите что Вы — Вольные Казаки.

Г. г. „руководителей“, „осведомителей“, „шпионов“, наконец „дураков“ мы постепенно „вычистим“...

Заблуждаться можно раз, но несколько раз заблуждаться — преступление.

(Белград), 13 июня, 1932.

Борис Кундюков.

„Русским“ казакам.

Глубокоуважаемый станичник Редактор!

Покорнейше прошу Вас поместить это мое письмо в нашем казачьем журнале, за что заранее приношу Вам сердечную благодарность.

Обращаюсь к вам, братья-казаки, именующие себя русскими, младороссами и прочими-другими, недостойными казачьего имени названиями.

Я — Вольный казак и потому буду говорить с вами по казачьи, — напрямик и не ломаясь. Братья казаки! Почему вы молчите, не подаете своего голоса, когда мы, вольные казаки, гордо и смело подняли свое национальное знамя? Почему за вас говорят ваши „опекуны“, вроде г. г. Чапчиковых и им подобных „вождей“? Неужели вы не видите, что они — перелетные птицы, люди с продажной душой; они вас зовут на борьбу не за свое родное казачье, а за чужое нам русское дело. Они плюнули в душу казачью... кощунствуют над могилами наших прадедов, замученных русским народом... Разин, Булавин, Грузинов, Пугачев, Назаров, М. Богаевский, Кулабухов, Рябовол и сотни тысяч казачьих голов пали от руки русских мужиков...

Просыпайтесь же, братья! Пора уж забросить русские ходули. Надо становиться твердо на свои казачьи ноги и идти своей казачьей дорогой. Время нам всем стать на защиту распятого Казачества! Или вы уже давно забыли Его?.. Отреклись от вольных степей и курганов и покорно идете спасать Москву краснокламенную? Или, свив себе ветхие гнезда на чужбине далекой, вы поставили крест над славным Казачеством? Нет, не усидеть нам в них долго! Вихрем будущих событий вы будете вырваны с корнем и как „перекатиполо“ пойдете кувыркком по чужим „загонам“, гонимые суровым международным ветром.

Пока не поздно, спешите к нам, братья, на наш казачий Майдан! Вливайтесь в ряды В. К. чтобы скорее придти в степь привольную, под родное небо нашей Казакии!

Вольный казак Я. Дулимов. (Ст. Атаманской).

Май 1932 г. Бухарест.

Больше веры!

Многоуважаемый г. Редактор!

Не откажите в любезности — поместить в журнале „В. К.“ нижеследующее мое обращение к вольным казакам:

Дорогие братья, вольные казаки!

Обращаюсь к вам, как вольный к вольным, как равный к равным. Тяжелою, тернистою дорогой мы идем. Беспросветная тьма нас окружает. Ложь, обман, измена и предательство стерегут наш каждый шаг. Но мы не будем падать духом или огорчаться. Мы дружно, смело пойдем вперед и разорвем завесу лживой истории российской, что веками скрывала от нас Казачью Правду. Изменой и предательством не побороть наш фронт единый!

Народ казачий — это заповедный лес; на протяжении веков его рубила и пилила Русь белая, а ныне жжет, корчует и изводит Русь красная. Отдельные деревья тысячами гибнут... Стонет заповедный лес... Но не погиб и не погибнет никогда! В непогоду, в бурю, во грозу Он зашумит и стряхнет с себя всю нечисть злую... Живет еще Казачество там, далеко на Родине, живет Оно и здесь! Оно пройдет свой очистительный этап и выйдет из горнила испытаний обновленным, за-

каленным, как железо! Так будем, братцы, мужественны, бодры... Больше веры и дерзаний!

За наш народ Казачий, за его свободу, волю правую и за Державу нашу — Казакию открыто станем во единый фронт!

Мой привет всем вольным казакам и тем, что здесь, и тем, которые в плену страдают тяжело от рук московских палачей.

Хорунжий В. М. Шкаринов. (Ст. Кагальницкой).
28-5-1932 г. Бухарест.

Казачьи фельетоны.

Павел Поляков.

О наших неприятелях и о прочем таком.

И так, наши враги решили с нами бороться всерьез. Надоело им нас слушать. Потому — что мы не скажем, — крыть им нечем.

Ну разве не обидно?

Какойнибудь „молокосос“ утверждает, что $2 \times 2 = 4$, и ему, „недоучке“, противного не докажешь!

Не безобразие ли? Не храбрость ли, достойная лучшего применения?

Конечно, в существо того, что мы утверждаем они не вникают, не с чем вникать то! А вот „на ура“, — это, могут. Например, „Уехали“, говорят, „мальчишками 12-15 лет, казачьей жизни не знают, а нам, старикам доказывают!“ —

Разве не мысль? Мыслища!!

Прочитал я ее и в восторг пришел. Ведь какие она горизонты учащейся молодежи открывает. Эпоху создает! Это вам не Коперник какой-нибудь. Сидел всю жизнь, мучился, думал и додумался наконец:

Земля, кричит, вертится!

Скажите на милость, удивил! Наши Коперники его, можно сказать, в момент переплюнули. Всю историю — на смарку!

Начнет мне теперь какой-нибудь историк в университете говорить о Рамзесе XII, что ли, или там о Псамметихе... А я... засуну руки в карманы, подмигну ему этак хитренько, да отставив ногу и спрошу:

А скажите, господин профессор, вы в древнем Египте бывали?

— Нет, скажет, не бывал; не случалось, скажет, бывать!

— Та-а-а-к, помотаю я ногой, ну а с Псамметихом в знакомстве личном состояли?

Профессор засмущается, засуетится, заискивается... А я тогда и тон перемену. Я ему тогда серьезно скажу:

„Слушайте, м. г., чего не видали, — не распространяйтесь. Вас, м. г., и в проекте не было, когда Рамзес жил! Понятно-с? Теперь в науке, скажу, новое направление твердо установлено и гласит оно:

„Не видал, — не галди!“

Коротко и ясно. А то — историки какие то выискались... докапываются до чего то... ищут... Все это ерунда...

Или вот еще одно из соображений наших противников: „Вольные казаки распространяют литературу, ездят агитаторы“ и пр. и пр. И поясняют: „прибегают к тем же приемам, какими пользовались большевики в 1917 году“.

Тоже ничего себе... умно сказано... Только вот автор мысли сей одну мелочь позабыл...

Сам он на собраниях казаков призывает идти туда-то и туда-то... „Русла“ разные указывает; „пути“ и прочее. „Информацию“ издает и распространяет; „верного Личарду“ имеет, который по станицам мотается, за хозяина своего агитирует.

Словом, „прибегают к тем же приемам...“

Ах! как я и подумать посмел!.. Тысяча извинений!! Раз это делаете Вы, значит, это уместно, хорошо, так и надо...

А если это же самое делаем мы, но не в Вашем „русле“, это — „по большевизму“.

Э-хе-хе-хе-хе!!

Ведь вот Коперники то, прости Господи. А потом обижаются... авторитет, говорят, подрываете. Да кто же, кроме Вас самих, его подрывает? Никто! Вы и дела рук ваших!

Еще о делегациях каких то рассказываете.

Уж они, говорите, просили нас, просили... Насилу упростили...

И что там, извините за выражение, за делегаты были?

Хотя, за что я на делегатов насыпался... При чем они тут?

Оно сидело и малчало...

Поди, пойми, почему молчит: от большого ума или — наоборот?

А теперь оно — заговорило...

И всем ясно стало...

Хотел было кончить фельетон да вспомнил — „И информация“ то, „того“ — уже в долг печатается.

И вот хочу я с призывом к казакам обратиться.

Станичники! жертвуйте на информацию. Последнее давайте. Ей-Богу вещь стоящая... Что ни номерок, то хоть на выставку. Пусть люди окончательно выскажутся. Дайте им возможность...

Ведь наверно впоследствии на Кубани будет какой-нибудь сборник анекдотов печататься.

Вот туда это и пригодится... Внуки наши со смеху помирать будут. Прочтут „приказ“ — и смех, прочтут статейку и за животы... Ну, скажут, и чудачки же в старину водились.

Да и нам оно полезно... Знать будем, с кем дело имеем.

Кстати, один советик тем, кто бы хотел мне чутков напакастить. Просто это и легко!

Большевики фельетоны пишут? — пишут! и печатают? — печатают.

А Поляков пишет? — пишет!

И печатает? — печатает!

Значит, Поляков — большевик!!

Строчите ка, хлопцы, доносец!

З-й по счету!

Для ровного числа! Ну-ка!

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от С. Ткаченка (из Франции) 10 фр., от М. № — 100 к. ч.

В Югославии П. Полякову: от Иващенко (из Дрвара) 30 динар.

От редакции.

Ввиду тех затруднений с пересылкою денег из одной страны в другую, которые существуют сейчас в некоторых государствах, мы пред-

лагаем тем вольноказачьим организациям, которые собирают средства на В. К. С'езд и которые лишены возможности свободно переслать таковые в центр, оставлять эти средства у себя, составлять таким образом свой собственный фонд. (на посылку в будущем своего же представителя), а нам сообщать только о состоянии такого фонда не меньше раза в два месяца.

От редакции.

В связи с последним номером „Кавказского Казака“ и помещенными в ней сведениями об „уходе“ разных лиц из В. К., в редакцию „В. К.“ поступило уже несколько запросов относительно ухода А. Е. Пивня (М. Забигаило) и вопросом о том, как быть с теми средствами, которые собирали ему некоторые вольные казаки, согласно его к ним обращения.

Что касается причин ухода А. Пивня, то нам они неизвестны и мы сами об этом уходе узнали только из „К. К.“. Жаль, конечно, но спрашивать мы тоже никого не намерены, т. к. на „прошенных“ много нужно. Нам нужны убежденные и определенные. Сотрудников „В. К.“ уже настолько достаточно, что мы можем совершенно спокойно отнестись к уходу того или иного малодушного, разочаровавшегося, или того, кто на свое сотрудничество в журнале смотрел с некоторой своей личной точки зрения. Нам достаточно, что вместо одного уходящего неопределенного в ряды сотрудников становятся два действительных вольных казака.

Можем признаться откровенно: редакция „В. К.“ переживает ныне „затруднения“, а иногда и „неприятности“ не от недостатка сотрудников, а от их избытка. От того, что некоторым сотрудникам приходится ждать своей очереди довольно долго, у редактора с ними бывают действительно „недоразумения“. Недостаток места в журнале, и только он, заставляет, напр., редакцию сократить до минимума литературный отдел, что не доставляет ей, редакции, никакой радости и что для казачьего дела является большим минусом.

Что касается второго вопроса — о денежной помощи тем или иным лицам, то лучше будет раз и навсегда поставить вопрос ясно и определенно в общей форме так:

Для В. К. движения будет лучше и полезнее, если все средства вольных казаков будут тратиться только на дело Вольного Казачества.

1. Отсюда следует, что даже и такое дело, как дело денежной помощи тем, кто от нас ушел, мы должны оставить тем, к кому они ушли. У нас же достаточно и своих таких, которые в помощи нуждаются.

2. Отсюда же следует ясный ответ и на второй вопрос, поступивший к нам: следует или не следует в. к. покупать „К. К.“ Ответ этот таков: предоставим „русским казакам“ своими средствами поддерживать свою „русскую прессу“, а все вольные казаки своими средствами будут поддерживать только свою вольно-казачью прессу и свой журнал.

Из В. Бечкерка.

Мы, кубанские казаки, проживающие в Вел-Бечкерке, вполне солидарны с казаками студентами Общеказачьей Белградской станицы, Новосадской, Смедеревской и Кочанской группы, которые высказались за идею Вольного Казачества. Отстоять свое право, свой край и свою

хату могут только лично сами казаки, помощи ни от кого казаку не дожидаться; казаки сами должны быть ковалями своего счастья.

Каждый из нас, где бы ни находился, должен не забывать, что он есть казак и, объединившись воедино, сможем легко отстоять свое право, как когда-то наши предки запорожцы дружной спайкой отстаивали всюду свои казачьи интересы, работали „один за всех все за одного“; только при таком положении и можно достичь желанных результатов.

Казаки, обратите свои взоры на казачий шлях, найденный вольными казаками, который уже пятый год освещается лучами света, идущими от нашего любимого казачьего журнала „Вольное Казачество“; это — единственный казачий шлях, по которому казаки могут попасть к своим родным очагам.

Одна из главных наших задач — приложить все старания к тому, чтобы как можно скорее состоялся Вольноказачий Съезд, на котором представители от разных Войск продумают совместно свою казачью думушку и вы решат, как можно скорее освободить свои родные края от тех цепей, в которых они до сего времени находятся.

Шлем своим братьям, казакам студентам Белградской станицы, свою благодарность за их энергичную работу на благо В. К. Будем верить, что и в дальнейшем они будут продолжать работу в том же духе, т. е. на создание казачьего государства — Казакии.

Очень желательно, чтобы наши младшие братья, студенты, посетили бы все казачьи организации с докладами на темы о Казачестве, так как за все время нашего изгнания казакам никто о Казачестве никаких докладов не делал.

Да пошлет Господь сил и мудрости всем, работающим на благо Казачества, чтобы скорее достичь желанной цели. Да здравствует Вольное Казачество! В добрый час, вольные казаки!

Куб. казаки: *Н. Акульшин, Г. Щербак, И. Назаров, Ф. Якименко, В. Павлов, Я. Мирошник, П. Беляков, К. Ачмизов, К. Паливода, В. Танков, П. Коршиков, Э. Кобазев, Т. Дзюба, И. Бондаренко.*

6 июня, 1832 г.

В. К. в Ганновере.

Постановление.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, на своем собрании 10 июня с/г. постановили организовать группу и при полном желании всех присутствующих, единогласно, без прений постановили войти в состав Вольноказачьего движения.

Желаем всех наилучших успехов к намеченной цели.

Старший группы *Алексей Рошин.*

Писарь *Федот Киселев.*

Казаки: *Андрей Копатков, Николай Качалин, Михаил Ковалев, Кузма Петров, Терентий Лозин, Иван Буянов.*

16-VI-32 г. Германия.

В. К. в Галаце.

Постановление

Мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в королевстве Румынии (Галац), собрались 3 апреля сего года для обсуждения вопроса: 1. О Вольноказачьем национальном движении здесь, в эмиграции, и там, на Родине, и 2. Об организации кассы взаимопомощи.

Решили: Обложить себя ежемесячным взносом в сумме 20 лей и зарегистрироваться в Вольноказачьем центре.

Одновременно избрали себе для ведения общественных дел и связи с Вольноказачьим центром в Праге старшего группы Алексея Кузьмича Бабкова. Казначеем общественных сумм — Маркея Дмитриевича Назарова.

В чем и подписались:

А. К. Бабков, М. Д. Назаров, И. С. Щегольков, С. С. Назаров, Ю. Сметанкин и Н. З. Коренюгин (донцы) и Д. А. Бережной (укр.).

Против клеветы.

Правление Донской Парижской станицы просит не отказать в любезности поместить на страницах Вашего журнала прилагаемую при сем копию постановления станичного сбора от 29 мая с. г.

„29 мая 1932 года. Станичный сбор Донской Парижской станицы имел суждение по поводу помещенной в газ. „Последние Новости“ (№ 4070) клеветнической заметки, „связывающей“ полк. А. Т. Жукова с гнусным убийцей президента Французской республики Думера и, принимая во внимание очевидную ложность содержащихся в заметке обвинений, постановил:

1. Выразить свое сочувствие полк. Жукову, подвергнутому такому возмутительному нападку со стороны ред. „ПН“;

2. выразить свое сожаление по поводу того, что ред. „ПН“, без предварительной проверки, сделать что было так легко, со слов первого проходивца воззвала на ни в чем неповинного человека столь тяжкое обвинение в тесной, якобы, его связи с отвратительным убийцей и большевиками.

Сбор констатирует, что нечестный прием является оружием „ПН“ в их борьбе с своими политическими противниками. Полк. Жуков — казачий самостийник. Значит, в борьбе с ним — все средства хороши. К такому заключению сбор приходит по следующим причинам:

а) в день появления этой абсурдной заметки в „ПН“ официальный представитель В. К. в Париже, в качестве близкого к Жукову лица, под своей личной ответственностью, дал редакции письменное опровержение этой провокационной заметки. „Помощник редактора“ лично заверил, что опровержение будет немедленно напечатано, но напечатано оно не было: Вместо этого было напечатано извлечение из заявления комсомолов Лабинской станицы, что Горгулов не большевик, что он являлся помощником полк. Жукова*), руководившего казачьим восстанием против сов. власти.

б) Общество Ревнителей Казачества в Париже, членом коего состоит полк. Жуков, защищая честь своего члена, немедленно заказным письмом послало ред. „ПН“ официальное опровержение, но и это опровержение не было напечатано.

в) Наконец, опровержение самого полк. Жукова, несмотря на требование пострадавшего поместить его на том же самом месте и под тем же зловещим заголовком „Горгулов и Жуков“, со значительными пропусками было помещено на 7-й странице газеты среди крупных объявлений торговых фирм мельчайшим шрифтом. Очевидно для того, чтобы люди этого опровержения не заметили.

*) От ред. Однофамильца полк. А. Т. Жукова.

Не печатать опровержение — право редакции. Но в широком пользовании в данном случае этим своим правом ярко обнаруживается невысокий моральный принцип, коим руководствуясь „ПН“ (отсутствие у них элементарного джентльменства).

Станичный Атаман М. Колесов.

Помощник атамана Ш. Балинов.

Писарь Семенкин.

Против клеветы и провокации.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Покорнейше прошу не отказать в любезности поместить нижеследующие мое письмо на страницах издаваемого Вами журнала.

В № 6(108) информации „Кавказский Казак“ издаваемый под редакцией полковника Соламахина, на странице 1-й под заголовком „От Кубанского Войскового Атамана“ имеются за подписью ген. Науменко, по адресу Общеказачьей Студенческой Станицы, мною возглавляемой, следующие выражения:

1. „В своей работе они прибегают к тем же приемам, какими пользовались большевики в 1917 году“.

2. „Нас вытеснили из пределов родины большевики и они наш главный враг. Для вольных казаков главный враг — Россия“.

3. Ныне они вносят в казачью среду тот развал, который погубил казачество с приходом большевиков“.

В годы революции большевики... По их пути идут вольные казаки и, следуя методу большевиков, обещают казачеству благоденствие в „Казакии“.

5. „Помните казаки... с врагами нашего отечества нам не по пути“.

Из вышеприведенных выражений явствует, что для Кубанского Войскового Атамана мы, вольные казаки,

а) большевики,

б) враги России, а не большевиков,

в) враги его, его отечества и враги казаков.

Твердо и далее стоя на платформе Вольноказачьей идеи, от лица Белградской Общек. Студ. станицы заявляю:

Впредь там, где будет присутствовать Кубанский Войсковой Атаман или кто либо из его окружения, мы, студенты-казаки, присутствовать не будем, а равно и отвечать впредь на их выпады не намерены по следующим соображениям:

1. Возражений веских и по существу, могущих нас обезоружить, у этих лиц не имеется, наоборот, каждый раз они вынуждены были столкнуться перед нашими доводами, основанными на фактах старой и новейшей казачьей истории.

2. Сравнение нас с большевиками считаем величайшим оскорблением, в особенности, когда оно исходит из уст главы Войска неоднократно заявлявшего, что для него все казаки, несмотря на их политические убеждения, равны.

3. Не имея никаких аргументов, лица нам враждебные пользуются клеветой, ложью, ругательствами и доносами и разговаривать с ними впредь мы, казачья интеллигенция, считаем для себя зорным и ниже своего достоинства.

4. Кубанского Войскового Атамана и лиц его окружения впредь не беспокоим нашим присутствием до того времени, когда мы на Родной Земле потребуем отчет за действия и слова от всех тех, кто погубил Казачество, потерял Казачью территорию, и, вводя в заблуждение казаков, вел их под власть авантюристов на гибель, смерть и изгнание.

В том же № „К. К.“ на странице 18 имеется следующая фраза „группа Белградских вольных казаков во главе с атаманом Студенческой станицы, предлагая ген. Шкуро... обещали провести его в походные Атаманы“.

Надеясь на порядочность генерала Шкуро, сим прошу его самого подробно описать упомянутое собеседование его с коллегами Кундюковским и Беломестновым, на котором ни я, ни бывший тогда атаманом станицы коллега Букин не присутствовали.

Ген. Шкуро может нас не любить и взгляды наши

не разделять, но я верю, что для этого он не захочет врать так, как это делает „Кавказский Казак“.

По соображениям, указанным мною в 1-ом, 2-ом, 3-ем и 4-ом пунктах этого письма, я не останавливаюсь на „Постановлении 1-го Мокролушского куреня“, т. к. отлично знаю, где оно фабриковалось и корректировалось и сколько в этом курене казаков настоящих и сколько „деланных пером“.

Будущее Казачества построится не руками приписных зазывал в лагерь тех, кто действительно обанкротился в борьбе с большевиками и продал казачество за чечевичную похлебку, приправленную чинами и наградками.

На первый раз — довольно.

В надежде на будущее гостеприимство прошу Вас, господин редактор, принять уверения моего к Вам уважения.

П. Поляков.

Атаман Белградской Студенческой
Станицы.

16-VI-1932 г. Белград.

О федерации вольных казаков (сепаратистов) — anciens combattants в г. Лионе.

Вольные казаки (сепаратисты), участники Великой войны 1914—1918 г. г., пребывающие в настоящее время в г. Лионе, не так давно организовали „Федерацию вольных казаков (сепаратистов) — anciens combattants“, носящую официальный характер. Будучи принятыми в

в войну 1914—1918 г. г., уроженцам г. Лиона. Наряду с многочисленными делегациями от полков, обществ и комбаттантских организаций, присутствовала и официальная делегация от В. К. — комбаттантов Великой войны (1914—1918 г. г.) в составе: есаула Т. К. Хоруженко, есаула Ф. И. Алентьева, есаула И. А. Кувикова, сотника В. С. Крыштопа и ст. уряд. И. П. Швецова.

Членами Федерации В. К. — anciens combattants в г. Лионе, могут быть все вольные казаки, участники Великой войны 1914—1918 г. г., а равно и участники гражданской войны 1917—1920 г. г.

Для получения комбаттантской карточки необходимо подать заявление о вхождении в состав Федерации, а равно и представить следующие данные: имя, отчество, фамилия, год рождения, место рождения, национальность (Cosaque du Don, Cosaque de la Koubagne и т. д.) чин, звание, ранения и контузии, боевые награды, первая и последняя войсковые части по времени прохождения военной службы, а равно 2 фото-карточки и 10 франков (годовой членский взнос). Сверх того, необходимо представлять документальные данные к даваемым сведениям о себе.

(Соб. кор.)

Еще о „К. К.“ и г. Шкуро.

М. Г. станичник Редактор.

Не откажите в любезности поместить следующие строки.

Из № 6 информационного листка „Кавказский Казак“, станичники вольные казаки убедились, что он от крышки до крышки пропитан ненавистью и клеветой на ВК. Самым ярким примером тому служит утверждение в том, что мы, я и А. П. Беломестнов, предлагали Шкуро быть Походным Атаманом ВК.

До такого абсурда еще, слава Богу, из нас никто не додумался, а г. Шкуро пустил такую утку для своих личных „высших“ соображений, необходимую для дальнейшей своей „политической“ карьеры, которая, к стати сказать, несколько заглохла.

Кроме этого, г. Шкуро попросил у меня письма, предложенные ему на подпись, оставить у себя. Имея копии, приготовленные для редакции, я сказал:

— Да, пожалуйста, это адресовано Вам и лично Вас касается.

На этом разговор окончился и мы расстались, выяснив, кто такой г. Шкуро.

Это и все.

Борис Кундрюцков.

В Белграде.

Около месяца тому назад газетой „Русский Голос“, издающейся в г. Белграде, была помещена статья за подписью некоего „казака“, в которой затронута честь ген. Данилова, полк. Недбаевского, ст. Полякова, Мерзликина и Кундрюцкова.

В законный срок посланное в газету опровержение было напечатано мелким шрифтом и с изъятием некоторых фраз. На новое требование адвоката Егдича редакция поместила снова опровержение, но уже полностью и на том же самом месте, сообщив адвокату фамилию писавшего (М. Протопопов).

Против г. Протопопова подана в суд жалоба за клевету и оскорбление. Пострадавшие ищут с него 50.000 динар и требуют, чтобы постановление суда было напечатано на всю страницу в газете „Русский Голос“.

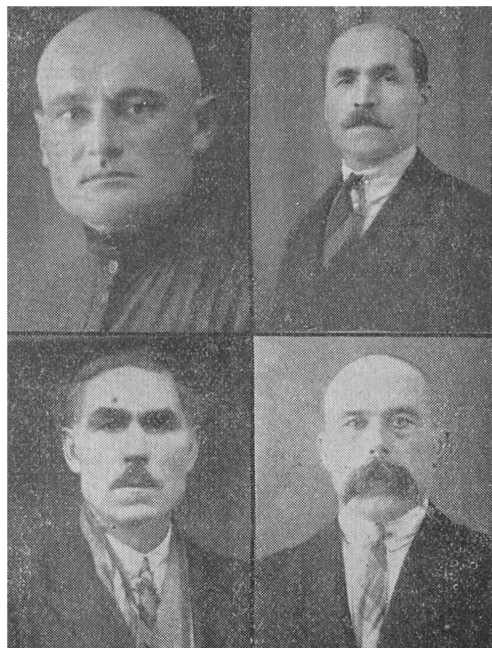
Кроме того все расходы тоже чтобы были отнесены на счет г. М. Протопопова.

(Соб. кор.)

Заслуженная благодарность.

Милостивый Государь Г-н Редактор!

Разрешите через Ваш уважаемый журнал „Вольное Казачество“ принести сердечную благодарность известной певице Варваре Федоровне Чарской за ее бескорыстный дар в 10 долларов.

Вверху: ес. Т. К. Хоруженко (слева) и ес. Ф. И. Алентьев (справа). Внизу: ес. И. А. Кувиков (слева) и сотн. В. С. Крыштопа (справа).

число действительных членов местного (Лионского) отдела Французского Национального Союза комбаттантов (свыше 1,000,000 членов), вольные казаки комбаттанты получили комбаттантские карточки, кои и дают им все права, присущие французским комбаттантам. В состав правления Федерации избраны следующие лица: есаул Т. К. Хоруженко (куб.) — председатель, есаул Ф. И. Алентьев (терец) — вице-председатель, есаул И. А. Кувиков — секретарь, сотник В. С. Крыштопа — казначей.

В воскресенье 5-ого апреля с. г. на городском кладбище г. Лиона, состоялось открытие памятника погибшим авиаторам (офицерам и солдатам фр. армии)

Узнав о тяжелом материальном положении казаков инвалидов и престарелых, она, со свойственной ей душевной чуткостью, откликнулась на их нужду: организовала логорею и разыграла на ней художественно вышитую ею подушку в пользу обездоленных Балканских казаков инвалидов. В нынешнее время черствого эгоизма так редко приходится встречать людей с отзывчивой душой, что друзья познаются лишь только в беде.

От всей Сергиевской станицы ей искреннее спасибо!

Атаман Сергиевской станицы **А Дувакин.**

Помощник **Сулацков.**

Болгария, с. Шипка, Инвалид. дом.
12 июня 1932 г.

Открытое письмо.

Милостивый Государь, г. Монастырский!

В номере 6 (108) „Кавказского Казака“ Вы позволили бросить мне в глаза, как корреспонденту журнала „В. К.“, от лица Шабакской станицы несколько фраз, носящих оскорбительный характер.

Заявив, что моя статья является „сплошным извращением фактов, как то может делать только наемник, человек, которому на всякую мораль наплевать“, Вы, видимо, считаете, что тем самым вопрос будет исчерпан.

Ваше оскорбление я не заслужил, так как все казаки, живущие в Белграде, могут подтвердить, как я живу и откуда добываю в данное время себе средства на существование. Чтобы убедить Вас окончательно, я могу предложить свидетельство моего профессора и казака о моей бедности, а если потребуются иные до-

казательства, то и их Вы можете получить, где следует. Перед тем как „извращать факты“, я ознакомился с такими фактами, как документы:

От суда, от сербов, приказ № 16, частные письма Куб. Атамана и, наконец, свидетельство очевидцев-казачков.

Подписав за атамана станичный приговор, Вы лишь подтвердили сообщение мое о новом правлении. Возможно, что это вы сделали с ведома г. атамана, но тем самым, бросая мне обвинение, Вы поставили меня в затруднительное положение в том смысле, что я не знаю, к кому предъявить иск: к Вам или к атаману станицы.

Ваша угроза о судебном разбирательстве по поводу статьи моей о № 92, меня не может утешить, потому, что из разговора моего с адвокатом я установил, что согласно Югославскому закону, § 26 и 27, „Обвинение за оскорбление и клевету“ предусматривает законный срок для привлечения к суду. Таковой же является шестинедельный с момента напечатания статьи. Так как с того времени прошло ровно семь месяцев, а с Вашей стороны в суд не поступило соответственного заявления. Ваше теперешнее, может быть намеренно запоздалое заявление не имеет значения.

Столь запоздалое Ваше неудовольствие вызвано, повидимому, общей травлей против Вольного Казачества на страницах „Кавказского Казака“, первым в свое время бросившего перчатку пресловутым письмом Исаака Быкадорова. И подобные выпады в мой адрес будут, повидимому, нередкими, как и был уже таковой случай с газетой „Русский Голос“, издающейся в гор. Белграде.

Борис Кундрюцков.

13-VI-1932. Белград.

По белу свету.

— В связи с правительственной переменой в Германии делались различные предположения, но пока ни одно из них нельзя считать оправдавшимся. Ни военной диктатуры, ни монархической реставрации не произошло. Делались предположения о междугосударственной переориентации Германии, о возможности создания единого фронта против коммунистической опасности со стороны СССР. Принимая во внимание положение сегодняшнего дня, нельзя сказать, чтобы это предположение было близко к действительности.

— На Дальнем Востоке дела идут своим чередом. Возможность войны между СССР и Японией как будто отодвигается. Япония занята успокоением и упорядочением положения в Манчжурии, ликвидируя хунхузирующие банды китайских генералов. Только недавно нанесен сокрушительный удар армии наиболее активного генерала Ма, войска которого на подступах к Харбину подверглись непоправимому разгрому. Сейчас идут разговоры об официальном признании Монголо-Манджурского государства Японией. Само собою разумеется, что возникновение этого нового государства уже совершившийся факт и к непризнанию его другими державами нет никаких оснований.

— На нашей Родине, в Казачьих Землях, которая теперь называется „Северным Кавказом“, свирепствует голод. Опыт большевиков по организации коллективных хозяйств привел к явному повсеместному краху — гибели сотен тысяч скота, гибели посевов, истощению запасов, исчезновению из человеческого обихода самых элементарных предметов потребления и буквальному обнищанию сельских хозяев. В результате этого краха „колхозов“ и разрешил Сталин (вероятно, как и Ленин, к концу своих дней) частную торговлю. Но беда в том, что у жителей и торговцев нечем, ни покупать нечего. Этот крах угрожает СССР токой безработицей, которую никакими лесными работами, ссылками и иными очковитирательствами европейцам не скроешь.

— Внимание мировой общественности всецело сосредоточено сейчас на двух Швейцарских городах — на Женеве, в которой безрезультатно продолжается конференция по ограничению вооружений, и на Лозане, где происходит недавно открывшаяся конференция держав по вопросу о междугосударственных долгах и по выработке общих мер, направленных к преодолению мирового экономического кризиса, все шире разли-

вающегося и глубже проникающего во все отрасли хозяйства всех государств, угрожая потрясениями общественной жизни. Первая конференция, как только стала ясна невозможность общедовольствительного соглашения, была почти забыта, но теперь, в связи с Лозанской конференцией, значение Женевской конференции, как предопределяющей успех или неуспех Лозанской, вновь начинает осознаваться, так как связь между обеими конференциями несомненна.

Лозанская конференция протекает пока в условиях как будто искренних намерений держав сговориться, при серьезных попытках пойти на максимальные взаимные уступки. Однако, теперь уже наметились две противоположные точки зрения по главному вопросу — о долгах. Германия настаивает на аннулировании всех военных долгов, как на необходимом условии оздоровления ее государственного хозяйства; в этом ее поддерживают Англия и Италия. Таким образом Франция, для которой не представляется возможным полное аннулирование всех долгов, связанных с последствиями Великой Войны, оказалась на конференции одинокой. Из затруднительного положения Эррио нашел выход в выигрыше времени, поставив вопрос так, чтобы он требовал продолжительного времени для разрешения.

Таким образом, Лозанская конференция будет продолжаться довольно долго и мы еще будем иметь случай к ней не раз возвращаться. Положение запутывается еще и неучастием Америки и ее неуступчивостью в вопросе о долгах; ее слово, как кредитора почти всех государств, представленных в Лозане, имело бы большое значение. Пока Америка будет требовать свои долги от Франции, Англии и др. своих должников, эти государства не смогут отказаться от своих долгов от Германии и т. д.

Из практических результатов конференции пока можно отметить то, что она вынесла дружное решение приостановить все платежи по долговым обязательствам до конца конференции.

— Произошла социалистическая революция и контрреволюция в Южно-Американской республике Чили. Обе по сведениям печати, углубляются. Что сие вначит, мы знаем лучше кого бы то ни было.

— Произошли перемены правительств в Румынии и Греции.

С. Б-ов.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.